

Дмитрий Мурашов

ДЕКАБРИСТЫ-ПЕНЗЯКИ

Дмитрий Мурашов

Декабристы-пензяки

Спорно о бесспорном

Пенза 2015

ББК 63.3 (2) 521-425.3

М 91

Рецензенты:

С. В. Белоусов, доктор исторических наук

Е. П. Белохвостиков, краевед

**Мурашов, Дмитрий. Декабристы-пензяки. Спорно о
бесспорном // Дмитрий Мурашов. — Пенза, 2015. — 124 с.**

*На обложке — репродукция с картины В. Ф. Тимма «Лейб-гвардии
Конный полк во время восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской
площади» (1853).*

Книга рассказывает об участии пензяков в движении декабристов — первом организованном политическом выступлении в России против самодержавной власти и крепостного права.

Для широкого круга читателей

© Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова, 2015

© Д. Ю. Мурашов, 2015

*Памяти моих учителей
– Игоря Васильевича Пороха и Николая Алексеевича Троицкого –
посвящаю.
Автор*

Быть опровергнутым – этого опасаться нечего;
опасаться следует другого – быть непонятым.

Иммануил Кант

Что слава? Просто холм, а мы спешим
Добраться до вершины поскорее.
Мы пишем, поучаем, говорим,
Ломаем копья и ломаем шеи,
Чтоб после нашей смерти помнил свет
Фамилию и плохонький портрет!

Джордж Байрон

Мятеж на Сенатской

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божию. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Проведению!»¹

Так писал первый российский историк Николай Михайлович Карамзин в 1826 году, риторически адресуя вышеприведенные слова декабристам — участникам восстания 14 декабря 1825 года, а в письме к князю Петру Андреевичу Вяземскому он сравнивал мятеж на Сенатской площади с нашествием французов в 1812 году: «Сколько горести и беспокойства в семействах. Еще не имею точного, ясного понятия об этом злом и безумном заговоре. Верно то, что общество тайное существовало и что целью его было

ниспровержение правительства. От важного к неважному: многие из членов удостаивали меня своей ненависти, или по крайней мере не любили; а я, кажется, не враг ни отечеству, ни человечеству. Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери, жены, дети, младенцы! Не имея никакого политического влияния, молюся за Россию. Бог спас XIV декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов: в обоих случаях вижу блеск луча как бы неземного»².

В словах Николая Карамзина, разумеется, есть доля правды. Скрыт в них и тяжелый нравственный выбор, сделанный не только историком, но и самими участниками тайных обществ (Карамзин в их число, как известно, не входил, но с некоторыми из заговорщиков был знаком, о чем и писал). Реформы или военная революция? Мирный путь или насилие, пусть и смягченное участием в перевороте только армии, а не всего народа? Эта политическая и нравственная дилемма постоянно мучила декабристов. Победа радикального крыла декабризма, возглавляемого П. И. Пестелем, случившаяся в 1823 году, скорее всего, окончательно преопределила мятеж на Сенатской площади и безжалостно оставила за бортом значительное число несогласных с ней, декабристов без декабря (первоначально декабристами называли только участников восстания). «Что ни говори — а вожжи, которыми правят людей, сплетены из железа и золота.

Все или бояться одного, или жалуют больно другое»³, — писал накануне восстания Александр Бестужев (Марлинский), активный участник мятежа. Другая точка зрения была у Михаила Лунина, в восстании не участвовавшего: «Тайное общество никогда не помышляло о сомнительном и опасном опыте обращения к страстям и буйству народа; оно хотело действовать на его разум и искоренять /ождать искоренения зол/ злоупотребления путем постепенного улучшения национальных учреждений». «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам»⁴. И еще две важные цитаты из сочинений М.С. Лунина, первого историка декабристского движения — его заочная полемика с Карамзиным: «Восстание 26/14 декабря, как факт мало значительно, но как принцип — в высшей степени важно. То было первое открытое выражение народной воли в пользу представительной системы и конституционных идей, распространяемых русским Тайным обществом»⁵. «Зрелость гражданственности (*внутри дворянского сословия — прим. авт.*) ускорили новые стихии, которые Тайное общество излило в область мысли. **Оно рассеяло едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка и убедило народ, что раболепство перед лицами должно замениться повиновением закону.** Тайное общество постоянно доказывало выгоды взаимного поручительства, по которому дело одного лица становится

делом всех; важность суда присяжных в делах гражданственных и уголовных и тесную связь такого учреждения с свободой края; крайнюю потребность гласности установить как право и требовать от каждого как обязанность; вред от различия сословий, порождающих зависть и вражду и дробящих людей, вместо того, чтобы совокупить их. Существующему порядку противопоставлен был законный, обеспечены пределы, положенные провидением всякой человеческой власти: нравственность, разум и справедливость, общая польза — различные отблески одной и той же истины»⁶.

Взаимное поручительство... Нравственная сила декабристов, так восхищавшая и притягивавшая современников и потомков, была, действительно, в их товарищеской солидарности, в бремени совместной ответственности за мятеж, даже если кто-то в нем и не участвовал, наглядно воплотившейся в общей каторге и ссылке. «Каждый из них в отдельности и все вместе взятые, они были такими живыми образцами культуры, что естественным образом поднимали значение и достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение...», — писал современник о декабристах в Сибири⁷.

Мятеж на Сенатской площади, как показал Яков Гордин, вполне мог закончиться победой восставших⁸. Петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович,

преследуя свои интересы, играл на их стороне. Начальник гвардейского корпуса А. Л. Воинов был в союзе с Милорадовичем. И даже М. М. Сперанский, если верить Д. И. Завалишину, был не прочь занять место в правительстве декабристов. Реакция лучшего министра Российской империи на сделанное предложение одновременно мудра и универсальна: «С ума вы сошли? Разве делают такие предложения преждевременно? Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне»⁹. Не сложилось. Мятеж был подавлен. И реакцией на него стало царствование императора Николая I, закончившееся тяжелой крымской катастрофой — унижительным поражением России в войне с Англией, Францией и Османской империей.

Правя страной, Николай I нашел опору в бюрократии. Декабристы, романтики политики, как и столь чтимый многими их них Байрон, выступали за народное представительство. Они предлагали императору Александру I разделить бремя правления с обществом, используя конституцию и парламент. Причем первоначально декабристы были согласны оставаться в тени, отдавая инициативу в конституционных реформах императору, только что выигравшему войну с Наполеоном. В этом заключался замысел первых декабристских обществ — Союза Спасения и Союза Благоденствия. Быть рядом, легально, не скрываясь от власти, но тайно, не нарушая прав монарха, помогать ему в

реформах. Декабристы учитывали многовековой самодержавный менталитет дворянства и народа. Однако Александр I, отказавшись от объявленных им реформ (и зная о тайных организациях), отверг сделанное предложение. Для одних декабристов, монархистов по убеждениям, этот отказ *стал* концом их членства в тайном обществе, для других, ведомых Пестелем, началом перехода на новый уровень политического «самостояния» (Пушкин), с мучительным нравственным выбором о возможном уровне насилия при государственном перевороте — военной революции по примеру Испании. Декабристы считали, что представительное правление (конституционная монархия или республика) — это лучшая из форм управления государством, способная избавить страну от многих стерегущих ее опасностей.

После крымской катастрофы об этом ретроспективно с грустью как о нереализованной альтернативе писал декабрист А. В. Поджио: «Власть при Александре, хотя и была дремлющая, но при Николае она сделалась притеснительную, и, достигши до высшей степени своевластия, она тяжело и непробудно залегла смертельным гнетом на все мыслящее в России! И мы ли не слышали, еще в отдаленной Сибири, слабые отголоски забитого слова и печати, все жалобные отзывы о подавленном развитии всех сил России. И когда понадобились для нашей же России эти силы, оказались ли они где и в чем-нибудь? Бездарность, бессилие, неспособность

высказались повсюду, и Николай могучий, всеобъемлющий сделался метой всех упреков, всех нареканий, причиной всех причин. /.../ Иди он с нами, отдайся нам, или возьми нас с собой путем права, мы повели бы его к славе России и всех нас вместе»¹⁰.

Стремление изменить государственный строй помимо воли монарха, помазанника Бога, в условиях России тех лет было неслыханной вольностью и стало по-настоящему новым словом, внесенным декабристами в российскую политику. Показательно, но Николай Михайлович Карамзин, возмущаясь восстанием на Сенатской площади, был не одинок в своем гневе. Пятью годами ранее в частном письме *также гневно* выражал свое недовольствие мыслями сына Павла сенатор Иван Борисович Пестель. «Я каждый день прошу у Бога милости, чтобы он внушил вам делать то, что, может быть, для вас полезно и спасительно как для вашего сегодняшнего счастья, так и для будущего. Бог знает, что нет ничего такого, чего бы я не был готов сделать, нет жертвы, на какую я не был бы способен, если бы мог хотя бы в чем-то сделать вас счастливым, но чем больше я размышляю, тем более опыт доказывает мне, что **истинное счастье человека не заключается в окружающих его условиях, но в его собственном сердце, и что истинное спокойствие душевное состоит лишь в вере и религии, ведущей нас к покорности путям провидения и полному доверию к нему!!!!** Если этого

нет, то не сыскать счастья во всей вселенной. Мы всегда будем гнаться за призраком и никогда не достигнем его и наконец станем несчастными, имея столь простые средства в себе самих для того, чтобы быть счастливыми даже посреди бедствий. То, что я говорю вам, мой дорогой Павел, есть следствие разнообразного опыта, приобретенного в течение многих лет. Бог наш Спаситель да наставит вас и заставит узнать истинное счастье, и вы совершенно со мной согласитесь. ***Итак, надо брать вещи такими, каковы они есть, не иметь более самонадеянности желать изменить людей и само мироздание, оттого что оно не таково, как наш рассудок хотел бы.*** Мудрый человек понимает, что не в человеческой власти сделать, чтобы все шло хорошо, и старается извлечь доброе даже из плохого. Вот единственный способ человеку быть полезным и довольным»¹¹.

Разумеется, декабристы (под ними следует понимать членов тайных обществ, связанных общим происхождением с Северным и Южным обществом, восставившими в 1825-1826 годах) были разными людьми. У каждого из них имелся свой путь вхождения в тайные организации, своя история нахождения в ней. Руководители обществ (идейно и персонально) не были похожи на рядовых участников, а случайные попутчики — на твердых сторонников. Сводить их к одному знаменателю, общему типу «первых революционеров», как это делала советская историческая

наука¹², внесшая, несомненно, большой вклад в изучение движения, но идейно ориентированная на мнение о декабристах Ленина, основателя Советского государства, сегодня исторически непродуктивно. Декабристы интереснее и сложнее любых схем и, как живые люди, ведущие с нами диалог во времени, если история — это встреча людей в веках, они возможны исключительно в своем идейном и персональном разнообразии.

Первая и единственная книга о декабристах-пензенцах (формулировка автора книги) была написана в 70-е годы XX века А. Ф. Дергачёвым¹³. К их числу автор отнёс И. А. Анненкова, братьев А. П. и П. П. Беляевых, П. Ф. Громницкого, А. А. Тучкова и И. Н. Горсткина.

Общий критерий отбора указан не был. И. А. Анненков попал в список потому, что его мать имела поместья в Пензенской губернии, а сам он летом 1825 года на ярмарке в Пензе познакомился со своей будущей женой Полиной Гебль (Анненковой). Братья Беляевы оказались земляками из-за того, что один из них, Пётр, родился в селе Ершово Чембарского уезда Пензенской губернии, а другой, Александр, родившись в Петербурге, провёл в Ершово семь детских лет. Алексей Тучков и Иван Горсткин значились

пензенцами, так как после восстания на Сенатской площади постоянно жили в Пензенской губернии, Петр Громницкий потому, что родился здесь. Из других участников движения, по Дергачёву, с Пензенским краем были связаны Г. А. Римский-Корсаков, А. А. Габбе, братья А. В. и А. В. Веденяпины, А. А. Жемчужников — все они в разные годы жили в Пензенской губернии.

К декабристам-пензенцам Дергачёв причислил Александра Булатова, командира 12-го егерского полка, расквартированного в Керенске (ныне Вадинск). Булатов, по словам Дергачёва, самовольно оставил полк, чтобы принять участие в мятеже 14 декабря, хотя на самом деле Булатов уехал в трехмесячный отпуск в Петербург¹⁴ и уже там принял решение об участии в восстании.

Обращение к биографиям выше названных лиц позволяет «проредить» список. Из всех перечисленных фигур к декабристам-землякам по факту их рождения или долговременного проживания в пределах современного Пензенского края (в соответствии со значением слова «земляк») уверенно можно отнести только П. Ф. Громницкого, братьев Беляевых, А. А. Тучкова и И. Н. Горсткина.

Братья Веденяпины, участники общества соединенных славян, родились в селе Веденяпино Тамбовской губернии (сейчас — Республика Мордовия). Алексей Веденяпин, после

ссылки, с февраля по июль 1837 года управлял имением графа Закревского в Мокшанском уезде, а Аполлон Веденяпин, после возвращения из Сибири, жил в своем имении в селе Тройни Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне — территория Республики Мордовия)¹⁵.

Григорий Римский-Корсаков, член Союза Благоденствия, долго жил и был похоронен в селе Голицыно Инсарского уезда Пензенской губернии. Однако сейчас село входит в Рузаевский район Республики Мордовия.

Антон Жемчужников, член Союза Благоденствия и Северного общества, несколько лет жил под надзором полиции в Саранске, современном административном центре Мордовии, а затем уехал в Тамбовскую губернию, где стал предводителем дворянства в Лебедянском уезде.

Александр Андреевич Габбе, живший в Пензенской губернии, участником тайных обществ, в отличие от своего брата Михаила Андреевича, никогда не был. Не был им и Пётр Габбе, упоминаемый А. Ф. Дергачёвым¹⁶. Причислять же их к декабристам только на основании родственных уз и знакомства с декабристами И. Н. Горсткиным и А. А. Тучковым, некорректно.

Александр Булатов, командир 12-го егерского полка, стоявшего в Керенске, был принят в Северное общество Кондратием Рылеевым 9 декабря 1825 года¹⁷. Дергачёв пишет, что он вёл переписку с Пестелем и Рылеевым¹⁸. Но на допросе

Булатов заявил, что до встречи с Рылеевым в Петербурге не поддерживал с ним связь четырнадцать лет¹⁹.

По другим декабристам, твердо относимым к землякам, также требуются оговорки. В их формулярных списках на 1825 год пензенским дворянином обозначен один лишь Громницкий. Тучков — дворянин Московской губернии, Горсткин — Тульской, а локальная принадлежность к дворянству братьев Беляевых не указана (в формулярном списке Александра Беляева говорится, что у его матери имеются крестьяне в Пензенской губернии)²⁰. Впрочем, визит братьев Беляевых в Пензенский край весной 1847 году снимает все вопросы об их отношении к малой родине. «Дым отечества» им «был сладок и приятен»²¹.

Но братья Беляевы не были членами декабристских обществ²². Об этом они сами говорили на допросах²³, а Александр Беляев подчеркивал это и в своих воспоминаниях, написанных уже после Сибири: «После присяги Константину от Арбузова мы слышали, что в России были свои тайные общества, которые ждали только случая, чтобы начать действовать; Завалишин так же знал об этом, но он не входил с нами в сношения; он, как говорил нам, имел в виду нечто более серьезное, хотя и более отдаленное. Арбузову он не сообщал о своем ордене и при нем никогда не упоминал о нем»²⁴.

Братья Беляевы являлись членами созданного Дмитрием Завалишиным Ордена восстановления, призванного осваивать Америку, но эта была (если была вообще) легальная организация, о которой знал Александр I. В 1822 году Завалишин написал об Ордене восстановления императору, а в декабре 1824 года Александр I отверг его идею²⁵.

В составе гвардейского Морского экипажа Александр и Пётр Беляевы участвовали в восстании на Сенатской площади, но затем, в зрелые годы, Александр Беляев (Пётр ко времени создания воспоминаний умер) отрёкся от своих прежних убеждений, объявив их ошибкой молодости. Восстание 14 декабря 1825 года Беляев неоднократно называет «несчастливым событием» и никак не может освободиться от собственной вины за гибель и ранения людей, бывших на площади. «Все это часто, часто мне представлялось и днём, и ночью, и я тут вполне убедился, что только с каменным сердцем и духом зла, ослепленным умом можно делать революции и смотреть на падающие невинные жертвы и на все бедствия и страдания, с ним сопряженные. Тут я увидел, что не кичиться должен был своим подвигом, а каяться в преступлении и молиться за несчастные жертвы, внезапно похищенные из среды своих семейств и из этой жизни и, может быть, с неочищенной совестью представших перед страшным судом»²⁶. Главной причиной участия в мятеже Александр Беляев называл присягу Николаю I и сожалел, что

оказался в числе «малодушных», все-таки подписавших «присяжный лист»²⁷.

Итак, только Пётр Громницкий, член общества Соединенных славян и Южного общества, Алексей Тучков, член Союза Благоденствия, и Иван Горсткин, член Союза Благоденствия и Практического союза, могут в полной мере (по факту рождения, долгому проживанию в пределах современного Пензенского края и участию в декабристских организациях) считаться *декабристами-земляками*.

Понятно, что в советское время, когда была написана книга А. Ф. Дергачёва, тема декабристского движения была *идейно модной*, а пензенское краеведение при первом секретаре обкома партии Л. Б. Ермине находилось в ранге региональной культурной политики, писать о декабристах-земляках иначе, чем сделал Дергачёв, было нельзя. Однако сегодня, когда нет такого идеологического прессы, следует, наверное, вспомнить древнее мудрое изречение: «Платон мне друг, но истина дороже». И сформировать список декабристов-земляков строго в соответствии с вышеназванными критериями.

Но как правильно их называть: пензенцы или пензяки?

Кирилл Дмитриевич Вишневский, пензенский литературовед, предложил такое деление: «Пензяк — это тот, кто здесь (в Пензенском крае — прим. авт.) живет. Пензенец

— это тот, кто здесь квартирует. Все это никак не зависит ни от места рождения, ни от возраста, ни от «стажа» проживания на пензенской земле. Пензяк трепетно любит землю своих предков. Ему бывает грустно, когда исчезают какие-то приметы знакомых улиц... Он болеет душой за то, чтобы «дома» все было благополучно. /.../ Пензенец, конечно, ведь тоже неплохой человек. Но он живет как будто в безвоздушном пространстве. Ему все, как нынче говорят, «до лампочки», кроме одного: «А если мне надо?»

И идет на красный свет!

Я люблю пензяка. Интересный он человек»²⁸.

В приведенной классификации любовь к местной истории изначально присуща пензяку. Значит, и читатель данной книги, тоже — прежде всего — пензяк.

Но это одна сторона вопроса.

Другая состоит в том, что замена пензяка на пензенца произошла в 40-50-е годы XX века (*собственное наблюдение автора по материалам пензенских газет*), это значит, что при рассказе о досоветской истории края точнее использовать слово «пензяк».

Поэтому: не декабристы-пензенцы, а декабристы-пензяки.

-
- ¹ Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.С. 380.
- ² Там же. С. 379.
- ³ Полярная звезда. М. – Л.,1960. С. 726-727.
- ⁴ Лунин М. С. Письма из Сибири. М. : Наука, 1987. С. 6, 165. Первая цитата — перевод, оригинал на французском языке.
- ⁵ Там же. С. 137.
- ⁶ Там же. С. 54-55.
- ⁷ Декабристы в воспоминаниях современников. М. : МГУ, 1988. С. 369.
- ⁸ Гордин Я. М. Мятеж реформаторов. Л., 1989.
- ⁹ Завалишин Д. И. Воспоминания. М: Захаров. 2003.С. 274.
- ¹⁰ Воспоминания и рассказы деятелей тайных общества 1820-х годов. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2008. Т.1. С. 33-34.
- ¹¹ Восстание декабристов. М.: РОССПЭН, 2012. Т. XXII. С. 213.
- ¹² Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М.: Высшая школа, 1999. С. 76.
- ¹³ Дергачёв А. Ф. Декабристы-пензенцы. Саратов, 1976.
- ¹⁴ Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука,1988. С. 31.
- ¹⁵ См. о них: Конкин С. С. Декабристы Веденяпины. Саранск, 1986.
- ¹⁶ Дергачёв А. Ф. Указ. соч. С. 118-119.
- ¹⁷ Декабристы. С. 31.
- ¹⁸ Дергачёв А.Ф. Указ. соч. С.11.
- ¹⁹ Восстание декабристов. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 287.
- ²⁰ Восстание декабристов. М.: Наука, 1976. Т. XIV. С.232.
- ²¹ Беляев А. П. Воспоминания // Русская старина. 1884. № 5. С. 307-308.
- ²² Декабристы. С. 18-19.
- ²³ Восстание декабристов. Т. XIV. С. 234-235, 266.
- ²⁴ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и переживаемом. Красноярск, 1990. С. 119.
- ²⁵ Декабристы. С. 69.
- ²⁶ Беляев А. П. Указ. соч. С. 135.
- ²⁷ Там же. С. 127.
- ²⁸ Вишневецкий К. Д. Пенза и пензяки. Пенза, 2013. С. 6.

Иван Горсткин

Иван Николаевич Горсткин родился 12 мая 1798 года¹. Его отцом был тульский помещик Николай Петрович Горсткин, а матерью Елизавета Ивановна, в девичестве Озерова. Отец Горсткина — среднепоместный дворянин владел 650 душами крестьян мужского пола в Тульском, Богородицком и Крапивенском уездах Тульской губернии².

Горсткины принадлежали к старинному, столбовому, дворянству. Первый из них служил «воеводой в войсках великого князя Василия Васильевича Темного» и был «убит в сражении с татарами под Белевым, 5 декабря 1437 года»³. В 1628 году еще один Горсткин, Тимофей Иванович, упоминался в числе дворян по тверскому городу Белый. Сам Николай Петрович возводил свой род к боярину Якову Ивановичу Горсткину, возможно родному брату Тимофея Ивановича, владевшему в 1620 году поместьями в Вологодском уезде⁴.

В 1796 году Н. П. Горсткин был внесен в шестую часть Дворянской родословной книги Тульской губернии⁵. В Пензенской губернии первые владения Горстких (села

Вражское и Голодяевка Чембарского уезда) относятся к 1782 году (4 ревизия)⁶.

В июле 1814 года, 20 числа, шестнадцатилетний Иван Горсткин после окончания пансиона при Московском университете был зачислен юнкером в 4-й резервный батальон Лейб-гвардии егерского полка, а 31 июля переведен непосредственно в егерский полк⁷. Командиром полка был легендарный К. И. Бисторм.

В эти дни овеянные славой егеря, победители Наполеона, возвращались из-за границы. Участники сражений Отечественной войны под Смоленском и Бородино, заграничных походов под Лейпцигом и Кульмом прибывали морем из Шербурга (Франция) под Санкт-Петербург в район Ораниенбаума, Петергофа, Стрельни и Ропши. Здесь находились их временные квартиры. На них они простояли до 27 августа 1814 года. Затем вместе с другими частями гвардейского корпуса егеря церемониальным маршем через специально возведенную триумфальную арку, приветствуемые императором Александром I, вошли в Петербург⁸.

Мечтавший о военной славе, слушая рассказы ветеранов, юнкер Иван Горсткин мог получить ее летом 1815 года. Во время Венского конгресса, занимавшегося политическим устройством Европы, Наполеон неожиданно высадился во Франции и на сто дней вернул себе власть. Александр I повелел гвардии двинуться в поход. Он начался

28 мая 1815 года. Лейб-гвардии Егерский полк через Царское село, Лугу, Великие Луки и Полоцк шёл на Вильно (современный Вильнюс — прим. авт.). Однако в июне 1815 года англичане и немцы разбили армию Наполеона под Ватерлоо. Гвардии было приказано возвращаться назад⁹.

О порядках в лейб-гвардии егерском полку тех лет полковая история говорит: «Суровый педантизм, прямое и убежденное отношение к делу, «военный фанатизм», если так можно выразиться, и строгие, подчас жестокие наказания за всякий проступок, — вот характерные черты службы того времени»¹⁰.

Летом 1817 года гвардия участвовала в маневрах между Петергофом и Ораниенбаумом, а в октябре, в Москве, приняла участие в закладке храма Христа Спасителя. Во второй столице России егеря находились до августа 1818 года. Будучи в Москве, И. Н. Горсткин получил чин прапорщика¹¹. Здесь же был принят в Союз Благоденствия.

«В 1818 году, — отвечал Горсткин на следствии в 1826 году, — я был принят в тайное общество в Москве Александром Муравьевым. Цель онога была изложена в «Зеленой книге», и я в оной ничего не нашел противозаконного. Действий моих в пользу общества не было никаких. Денежных пожертвований я не делал, членами никого не принимал, даже о тайне сей не говорил»¹².

И. Н. Горсткин сильно лукавил. В 1818 году он был одним из самых активных участников только что созданного Союза Благоденствия. В общество он вступил в компании сослуживцев по лейб-гвардии егерскому полку: вместе с В. С. Норовым, Ф. П. Панкратьевым, А. Л. Челищевым¹³. Фамилия Горсткина упоминается в Записке о Союзе Благоденствия А. Х. Бенкендорфа, тогда начальника Штаба Гвардейского корпуса, направленной в мае 1821 года Александру I. Записка составлена по доносу библиотекаря Гвардейского генерального штаба М. К. Грибовского, входившего в Коренную управу — руководство Союза Благоденствия. «Действия сего общества в 1818 году получили новую деятельность, и число членов возросло более двухсот. — Указывалось в ней. — Мало-помалу привлечено множество офицеров Главного штаба, из полков же наиболее в Измайловском, бывшем Семеновском, Егерском, Московском, конной гвардии и гвардейской артиллерии». Примечательнейшие по ревности: Бурцов, фон-дер-Бригген, два Колошина, Оленин, Копылов, Кутузов, Горсткин, Нарышкин, Корсаков и другие; из посторонних: Николай Тургенев, полковник Глинка и Семенов (молодой человек, служивший в канцелярии министра князя Голицына, занимавший место секретаря в тайном обществе и руководимый Тургеневым и Глинкою)¹⁴.

Председатель и блюститель Коренной управы Союза Благоденствия С. П. Трубецкой на следствии называл И. Н. Горсткена председателем управы в лейб-гвардии егерском полку, а член Союза Благоденствия П. И. Колошин среди лиц, тесно общавшихся с представителями Коренной управы Александром и Никитой Муравьевыми, Евгением Оболенским, Иваном Пушиным, Сергеем Трубецким¹⁵.

Между строк своё участие в заседаниях Коренной управы Союза Благоденствия подтверждал и сам Горсткин: «Вскоре потом гвардия выступила в Санкт-Петербург, где прошло, может быть, полгода, об обществе и слуху не было. Потом стали у некоторых собираться, сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у князя Ильи Долгорукова, который был, кажется, один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи. Все восхищались остротой. Рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности. Под конец вовсе не съезжались; бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частехонько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело, и понемногу свидания прекратились»¹⁶.

Поручик И. А. Долгоруков — это председатель и блюститель наряду с С. П. Трубецким Коренной управы Союза Благоденствия. Поручик Н. М. Муравьев — член

Коренной управы, будущий автор декабристской конституции. Оба они прославлены А. С. Пушкиным в его знаменитых стихах о декабристах: «Витийством резким знамениты, // Сбирались члены сей семьи, // У беспокойного Никиты, // У осторожного Ильи».

Почему же И. Н. Горсткин вступил в Союз Благоденствия?

«Я в свою очередь заплатил дань неопытности, — писал он на следствии, — вступил в общество Союза благоденствия. Причины: 1-е. Предложивший мне оное (*полковник Гвардейского генерального штаба А. Н. Муравьев — прим. авт.*) владел всеобщою доверенностию, был привлекателен и во всей гвардии имел репутацию отличнейшую; уважен был не только равными и младшими, но и начальники некоторым образом всегда в нем видели (как мне казалось) образцового офицера. Одно знакомство такого человека уже восхищало. Мне все в нем нравилось. 2-е. Желание иметь связи, как тогда уверяли, что без связей ничего не добьемся по службе и что большей частью либо масонством, либо другим каким мистическим обществом; люди, помогая друг другу на пути каждого пособиями, рекомендацией и проч., взаимно поддерживали себя и тем достигали известных степеней в государстве преимущественно перед прочими. 3-е. Общество, мне предложенное, составляли люди во всех отношениях хорошие, образованные, одаренные умом и всеми качествами,

неминуемо долженствующими привлечь молодого человек, едва способного ценить оными! Последняя причина и чуть ли не самая главная — тщеславие, чтоб сказать: и я в обществе, была мода на это Союз, все за честь поставляли быть в нем. Кто ожидался, что из него выйдет!.. Обязанность моя состояла в том, чтоб отыскивать молодых людей, готовить их к вступлению в общество (тут я должен благодарить бога: ни одной жертвы в жизнь свою не завлек, ни один на меня не станет плакаться, никто никогда мной принят в общество не был, потому что вскоре и сам был разочарован)»¹⁷.

Иначе: И. Н. Горсткин вступил в Союз Благоденствия из-за карьеры, желая быстрее продвижения по службе, а когда этого не произошло — разочаровался и вышел из общества. Думается, что здесь (в отличие от прошлого раза) Иван Горсткин душой не кривил. Он действительно хотел быстрой карьеры с помощью тайного общества. Только здесь для правильного понимания важен нюанс, который может быть не замечен после бурного XX века — столетия войн и революций: Союз Благоденствия как тайное общество создавалось для содействия анонсированным Александром I после Отечественной войны внутренним реформам — введению представительного правления и отмене крепостного права¹⁸. «Намерение императора освободить крестьян от крепостной зависимости, — писал Сергей Трубецкой, — должно было иметь противниками почти всех помещиков.

Членам общества предстояло теперь неусыпное действие для направления общего убеждения в необходимости этой меры»¹⁹. Разговоры о «свободе крестьян» в 1817-1818 годах «раздавались» во всех «гостиных» Москвы²⁰, а ведущие члены «союза Благоденствия А. Н. Муравьев и Н. И. Тургенев сочинили специальные записки по самым острым российским проблема, предназначенные для императора или высших правительственных лиц»²¹.

Поэтому нет ничего удивительного, что в Союзе Благоденствия И. Н. Горсткин не увидел что-либо противозаконного. «Главные надежды общества, — писал Горсткин, — состояли в том, что со временем многие из членов оного займут известные места в государстве, народ образует к тому времени, общее мнение родится, и тогда нечувствительно вещи примут лучший, будто, оборот, на каковой предмет и положено было неперменным правилом служить, невзирая ни на какие неприятности, ежели б кому оные причинены быть могли»²².

В 1820 году Иван Николаевич Горсткин оставил Союз Благоденствия. Сам он рассказывал об этом так: «...в Москве в отпуску, Александр Муравьев спрашивал меня: «Что у вас делается в Петербурге?» Я ему отвечал, что ничего не знаю и ни с кем сношения не имею и зачем в обществе, не понимаю. На сие он отвечал: «Ваши петербургские хитрят, отдаляются от назначенной цели, почему я общество оставляю и советую

всем, мною принятым, то же сделать». Убежденный сими словами и особенно его примером, я от общества отошел и порвал со всеми всю связь»²³.

И. Н. Горсткин вновь не договаривает. Как руководитель одной из управ, он прекрасно знал положение дел в обществе и имел информацию о разладе, внесенным в него П. И. Пестелем. Вспоминая об этом, Сергей Трубецкой писал: «В половине 1819 года блюститель Коренного союза Трубецкой уехал за границу. На место его был избран Долгорукой. В начале 1820-го приехал в Петербург Пестель и во многих бывших собраниях восставал против образа действия и духа союза Благоденствия, объявляя при этом, что он устава его не принял и продолжает свое действие сообразно первому уставу. Он находил, что действие С. Б. так медленно, что нельзя определить, когда оно достигнет предполагаемой цели»²⁴.

Пестель предлагал отказаться от тактики медленного захвата власти и настаивал на военной революции — перевороте с участием армии. Он критиковал конституционную монархию и агитировал за республику. Активные действия Пестеля раскололи Союз Благоденствия и привели к его ликвидации в январе 1821 года на московском съезде общества.

А. Н. Муравьев был противником военной революции. Видимо, таким же противником был и И. Н. Горсткин.

Приведенный им диалог — отголосок Петербургского совещания на квартире Ф. Н. Глинки, где обсуждались данные вопросы.

Итак, Горсткин ушел из общества, когда понял, что оно из организации, содействующей правительству, превращается в тайный союз, ему противостоящий. Отчасти в таком развороте декабристов к радикальным методам политической борьбы был виноват сам Александр I. Он подарил им надежду на преобразования, а затем сам же от них отказался. Александр Михайлович Муравьев, дальний кузен Александра Николаевича Муравьева, принявшего Горсткина в тайное общество, вспоминал: «27 марта 1818 г. на открытии сейма в Варшаве» он (*Александр I — прим. авт.*) сказал представителям Польши: «Порядок, бывший в вашей стране, позволил немедленно установить тот, который я вам даровал, прилагая на практике принцип свободных учреждений, не перестававших быть предметом моих забот, и спасительное действие каковых я надеюсь с помощью божией распространить на все области, Провидением вверенные моим попечениям». Эти слова были восприняты с жадностью. Занятый всецело Европой, бросаясь с одного конгресса на другой, находясь под влиянием Меттерниха, он отрекся от своих благородных и великодушных предположений. Польша получила конституцию, а Россия в награду за свои героические усилия в 1812 г. получила — военные поселения!

/.../ Бессилие законов, которые не были собраны и которые никто не мог знать, лихоимство, продажность чиновников — вот печальное зрелище, представляемое Россией»²⁵.

В начале 1820-х годов И. Н. Горсткин женился. Его супругой стала Елизавета Григорьевна Ломоносова, родная сестра лицейского товарища А. С. Пушкина дипломата Сергея Григорьевича Ломоносова²⁶. В декабре 1822 года у них родилась дочь Елизавета, а в октябре 1826 года — сын Николай²⁷. Горсткин погрузился в семейную жизнь. Он ушел с военной службы (октябрь 1821 года), стал жить в Москве, а с июля 1824 года — служить в гражданской канцелярии московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына²⁸. При отставке Горсткину был присвоен чин поручика²⁹.

В Москве в 1821-1823 годах декабристских организаций не было. Наряду с Горсткинским в ней проживали бывшие участники Союза Благоденствия Колошин, Тучков, Якушкин, братья Фонвизины, которые поддерживали дружеские связи с членами Северного общества, но не более того³⁰.

В марте 1824 года в Москву из Петербурга на постоянное место жительства переехал И. И. Пущин, член Северного общества. Он получил должность судьи московского надворного суда. В январе 1825 года в Москву приехал с целью создания ячейки Северного общества еще один его член Е. П. Оболенский. Пущин создал в Москве

Практический союз, а Оболенский — управу Северного общества. Члены Практического союза брали на себя обязательства отпустить на волю своих дворовых людей, а члены управы Северного общества — участвовать в его деятельности³¹.

Создание Практического союза произошло на квартире Горсткина³². Скрывая этот факт на следствии, Иван Николаевич придал ему вид ничего не значащей истории: «...ко мне приехали: Пуцин, Нарышкин, Тучков, Семеновых двое, Степан и Алексей, Кашкин и Колошин, виноват, Колошина не было. «Мы к тебе приехали узнать, согласен ли ты на одну вещь!» — сказал Пуцин, — а ежели уже и на это не согласишься, то докажешь, что ты не благоразумием ведом, как всегда хвастаешь, а самой предосудительной личной выгодой». — Говорите — посмотрим». — «Дай слово (мы все дали друг другу слово оное), что через несколько лет всех дворовых людей своих выпустишь на волю и будешь стараться, чтоб все знакомые твои тебе последовали». Я отвечал: «Чтоб вам доказать, что в истинную пользу и в настоящем добром деле я не менее вашего способен чувствовать — я согласен»; зачали толковать, когда положить срок; все условились и положено было пять лет сроку. Это было говорено в марте. После всего видел Колошина, который мне изъявил одинаковое со мой негодование, что никак не отделаешься от людей, которые впоследствии сделали нам столько зла, не нам

— семействам нашим! «Ну! Так и быть, утешим их, отпустим дворовых с хлеба долой»³³.

Свое членство в московской ячейке Северного общества И. Н. Горсткин категорически отрицал, хотя С. Н. Кашкин прямо говорил, что «во время пребывания князя Оболенского в Москве он еще принял в общество в моем присутствии господина Горсткина (советника Московского губернского правления)»³⁴. Об общении с Евгением Оболенским Горсткин писал: «Я был весьма удивлен его посещению, тем больше, что во время пребывания его в Москве он у меня ни разу не был. С большой поспешностью он мне говорит: «Я уверен, что, невзирая на счастливое положение твое, ты не протык к добру и пользе общей!» Я засмеялся, видя его в той же юности, в какой его знал лет пять тому назад, но не извлекая из того ничего предосудительного, кроме брожения идей, ни на чем не остановившихся. Я ему отвечал, что мне странно слышать это, я всегда исполняю обязанности, как должно, и чего от меня он хочет. «Ты всегда был эгоист, как тебе не стыдно, надобно действовать, тем более, что ты имеешь состояние» — «Да какого действия вы от меня хотите?» — «Ну, братец, ты шутишь, прощай, я уверен, что ты все тот же и проч.» С этим он уехал. Вскоре я увидел потом Пущина, который с усмешкой спросил, был ли у меня Оболенский. Я отвечал, что был и не знаю, зачем, наврал по

обыкновенно вздор. «Нет, брат, не отделаешься — с крепостными дворовыми людьми изволь расставаться»³⁵.

Исследователи считают, что, отрицая свое участие в Северном обществе, организовавшем восстание на Сенатской площади, Горсткий тем самым отводил от себя обвинение в причастности к нему, так как это грозило серьезным наказанием. Но на самом деле И. Н. Горсткий был членом московской управы Северного общества³⁶. Как таковой он показан и в биографическом справочнике «Декабристы»³⁷.

Но может, Горсткий не хитрил, и он действительно, будучи членом Практического союза, не был членом Северного общества? Это вытекает из его принципиального неприятия тактики насильственного переворота, военной революции, что он продемонстрировал в 1820 году. А Оболенский предлагал ему именно это! «Ты все тот же», — сказал князь, прощаясь с Горстким.

Показательно, что следствие также не установило членство И. Н. Горсткого в Северном обществе: «...в феврале 1825 года действительно приходил к нему князь Оболенский с предложением возобновить действия общества, но он от того решительно отказался, почему Оболенский с неудовольствием уехал»³⁸.

В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ», составленном правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым, Горсткий также не указан как

член Северного общества, хотя его членство в Практическом союзе не оспаривается³⁹.

Новость о восстании декабристов на Сенатской площади И. Н. Горсткин узнал в пятницу 18 декабря 1825 года в Москве, через четыре дня после мятежа. На следствии он назвал выступление «ужасным»⁴⁰. Еще через неделю, 27 декабря фамилия Горсткина впервые прозвучала в показаниях С. П. Трубецкого. 19 января 1826 года титулярный советник Горсткин был арестован и отправлен в Петербург. 24 января он уже находился в Петропавловской крепости. В соседних камерах сидели брат князя Оболенского Константин Петрович Оболенский, член московской управы Северного общества, и друг Пушкина Борис Карлович Данзас, член Практического союза⁴¹.

Судьба Горсткина решилась 15 июня 1826 года. Ознакомившись с докладом Следственной комиссии, Николай I отдал распоряжение: «Продержав еще четыре месяца в крепости, отправить на службу в Вятку (*ныне Киров — прим. авт.*), где и оставить под бдительным тайным надзором местного начальства»⁴².

В Вятке Горсткин жил девять месяцев — с ноября 1826 по июль 1827 года⁴³. По дороге в Сибирь И. И. Пущин 25 октября 1827 года писал родным: «Второе — в Вятке я узнал, что тут некоторое время жил Горсткин под надзором

губернатора, и у него была вся семья, и вот уже несколько времени, что отправился в деревню»⁴⁴.

В село Голодяевку Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Междуречье Каменского района Пензенской области) Иван Николаевич Горсткин приехал 8 августа 1827 года⁴⁵. В своем имении (под полицейским надзором) он жил практически безвыездно, изредка отлучаясь в Чембар или Пензу по хозяйственным или судебным делам⁴⁶.

В январе 1828 года в гости к Горсткину приезжали бывший нижегородский губернатор Николай Иванович Кривцов, брат декабриста С. И. Кривцова, друг А. С. Пушкина и командир Шлиссельбургского пехотного полка генерал-майор Александр Андреевич Габбе, родной брат декабриста Михаила Габбе⁴⁷.

В ноябре 1828 года Николай I разрешил Горсткину жить в Пензе⁴⁸, а осенью 1829 года Иван Николаевич ездил по делам имения в Тульскую губернию⁴⁹.

Весной 1831 года И. Н. Горсткин стал хлопотать о своём возвращении на гражданскую службу. Пензенский губернатор А. А. Панчулидзеv был готов его взять чиновником особых поручений⁵⁰, но император наложил запрет. Князь П. А. Вяземский конфиденциально, в частном письме, сообщил Горсткину, что ему «запрещено служить в Пензе или Туле, так как у него там собственность»⁵¹. Также Горсткину

было запрещено служить на должностях, избираемых дворянством⁵².

В 1832 году у четы Горстких родился сын Лев, а в 1834 году — еще один сын Павел⁵³.

Весной 1832 года Иван Николаевич пытался устроиться в канцелярию московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, под началом которого служил до ареста, но, несмотря на ходатайство Голицына перед императором, получил отказ⁵⁴. Как точно заметил Гессен, Николай I при назначении на должность «неизменно справлялся» о кандидатуре в алфавите декабристов, составленным Боровковым⁵⁵.

Только в 1848 году после личной встречи Ивана Николаевича с руководителем III отделения (секретной политической полиции) графом А. Ф. Орловым и его личного ходатайства перед императором Горсткому разрешили устроиться на службу в Москве⁵⁶. Открыли перед ним и въезд в Петербург. С апреля 1849 года И. Н. Горсткий стал чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе А. А. Закревском, пензенском помещике⁵⁷. А чуть раньше, почти пять лет, с 1839 по 1844 год, И. Н. Горсткий был подрядчиком строительства зданий приказа общественного призрения в Пензе (*современная областная больница имени Бурденко — прим. авт.*)⁵⁸. «У меня страсть к постройкам», — говорил он актеру П. М. Медведеву⁵⁹.

Современники оставили противоречивые мнения о личности И. Н. Горсткіна. Н. С. Кашкин, сын декабриста Сергея Кашкина, входившего в Практический союз, писал, что «Горсткін был человек умный, но черствый, и товарищи относились к нему холодно»⁶⁰. Актер П. М. Медведев, столкнувшийся с Горсткіным в Пензе, вспоминал, что в глаза Горсткіна «нельзя было смотреть, так как они пронизывали тебя, так много было в них электричества»⁶¹.

Жена А. И. Герцена Наталья Алексеевна Тучкова-Огарёва и дочка Алексея Алексеевича Тучкова, члена Союза Благоденствия и Практического союза, вспоминала: «Иван Николаевич был умен, но ум его был какой-то особенный, легкий, саркастический. Он умел пересмеять каждого, заметить смешные стороны, и метко задевал всех. Он был арестован в Москве после 14 декабря (1825г.), но его освободили через несколько месяцев; заточение это придало ему незаслуженный вес. В крепости он написал стихи, начало которых я помню до сих пор:

Ах, ах, ах, какая тоска,
Как постель моя жестка.
Все по клеткам ходят
И осматривают нас,
Будто птичек, все нас кормят.
Вот житье, ну, черт ли в нем!
Не осталось либерала

До последнего жида⁶²,

Но нам кажется все мало —

Так пожалуйста сюда.

Бывало, когда он придет в Яхонтово (*село в Инсарском уезде Пензенской губернии — прим. авт.*), все его упрашивают спеть эти стихи; он сядет за рояль, поет и аккомпанирует себе сам, а мы слушаем его с восторгом, видя в нем также декабриста. Но, в сущности, Иван Николаевич не разделял возвышенных взглядов о нравственности и свободе этих несчастных и даровитых людей; он был человек совершенно иных воззрений и был способен на совершенно иные поступки.

Расскажу один случай, характеризующий его. Когда он жил еще с родителями, ему казалось, что они тратят слишком много на гувернанток для его сестер; его молодой, но изобретательный ум придумал оригинальное средство избавления от этой ненужной, по его мнению, траты. Как наймут гувернантку для его сестре, он начинает ей строить куры, как тогда говорили; прикидывается влюбленным, рассеянным, не отходит от гувернантки по целым дням; наконец, его поведение бросается в глаза, и родители начинают замечать его.

— Что это Иван прохода не дает гувернантке, — говорят они, — все вертится около нее; как бы он не женился

на мамзели, или обесчестит наш дом, пожалуй; это нельзя так оставить, надо гувернантке отказать.

И гувернантка, ни в чем неповинная, получала отказ; Иван Николаевич показывал вид полнейшего отчаяния, а сам торжествовал; сестры его оставались месяцы без наставницы, пока родители отыскивали такую, которая подходила бы по всем требованиям. Иван Николаевич весело потирал руки, думая про себя: «Нанимайте, нанимайте, а мы и за новую будем ухаживать, нам это нипочем».

Подобные порывы рано проглядывали в его корыстолюбивой натуре. Так прошла вся его жизнь; он сознавал, что общество не может относиться к нему с уважением, и потому постоянно бравировал и задевал каждого беспощадно своим злым языком»⁶³.

Удивительно, но на Ивана Горсткина была похожа и его родная сестра Софья Николаевна Щербатова. Князь Петр Вяземский считал ее «женщиной умной, холодной и с характером»⁶⁴.

Наблюдение Н. А. Тучковой-Огаревой о «корыстолюбивой натуре» Ивана Николаевича Горсткина, вероятно, не лишено оснований.

В таком же ключе отзывался о нем друг Пушкина Иван Иванович Пущин. В письме к Е. П. Оболенскому (Москва, 17 июня 1857 года) он сообщал: «Вчера был у меня Горсткин и, между прочим, говорит мне, что за мной есть маленький

должок. Я ему отвечаю: «Кажется, мы сочлись» (тут были посторонние; не хотелось начинать толка об этой истории). Он продолжает: «Нет! Это не по векселю, а ты, уезжая из Петербурга, просил меня заплатить за тебя Кашкину 500 р. асс. У меня это записано». Я решительно не помню, но сказал ему, что справлюсь и тогда ему заплачу, если он считает меня своим должником. По крайней мере, так следует. На это он возразил, что если я не помню, можно уничтожить эту статью в его книге. Я поблагодарил его за такое великодушие, но просил только повременить. Все это, брат, тоска! Пожалуйста, спроси Кашкина, отдавал ли Горсткин ему за меня 500 р. Верно, он помнит и развяжет этот узел. С Кашкиным у меня будет тоже уплата, но ту я помню и просил его зимой, чтоб он дождался возвращения брата Михайлы из-за границы. Бог даст, все это уладиться, только Горсткин поразил меня. Мудрено, что я забыл такую сумму и не понимаю. Зачем мне тогда было просить его заплатить Кашкину, когда я ему должен гораздо больше. Ты мне напишешь, что узнаешь»⁶⁵.

Развитие этой истории прослеживается в последующих письмах И. И. Пущина Е. П. Оболенскому.

10 июля 1857 года: «Признаюсь, автограф Кашкина нисколько меня не подвинул в деле с Горстким. Право, не знаю, что делать с этим демоном моим. Кажется, надобно будет, как обыкновенно бывает с нашим братом дураком, отдать 150 целковых. Просто это тоска, а делать нечего с

такого рода людьми. Он теперь в деревне, подожду до возвращения. Может быть, Кашкин церемонится сказать — я бы охотно отдал, если бы он только сказал, что действительно Горсткин ему заплатил. Видно Кашкин не очень понимает, в чем дело, потому что полагает в ответе, что эти деньги надобно было мне передать. Горсткин же уверяет, что я просил заплатить за меня Кашкину. Темная вода — да и только. Между тем, все это меня преглупо тревожит. И тебе надоедаю с эти вздором»⁶⁶.

28 июля 1857 года: «О Горсткине не будем больше говорить, разумеется, надобно будет отдать золото, как ты говоришь»⁶⁷.

4 декабря 1857 года: «В Москве не застал Горсткина. Оставил Алексею Рябинину деньги для передачи при коротеньком письме. Не имею еще уведомления»⁶⁸.

В мае 1833 года И. Н. Горсткин подал прошение о внесении его с детьми в Дворянскую родословную книгу Пензенской губернии. «Как я имею желание участвовать в делах дворянства Пензенской губернии по Чембарскому уезду, — писал он, — то [прошу] об исключении меня из Тульской губернии и уезда онаго и по уезду Крапивинскому благоволено было сделать зависящих от пензенского дворянского собрания распоряжений»⁶⁹.

В 1858 году, уже как пензенский дворянин, Иван Николаевич Горсткин был избран от чембарского дворянства

в пензенский Комитет по улучшению быта помещичьих крестьян⁷⁰. Входил в состав редакционной комиссии Комитета (1858-1859 годы). И вместе с инсарским предводителем дворянства М. А. Литвиновым, как депутат пензенского дворянства, участвовал в деятельности Редакционных комиссий в Санкт-Петербурге.

В своих воспоминаниях П. П. Семёнов-Тян-Шанский, эксперт столичных Редакционных комиссий, характеризовал И. Н. Горсткіна как помещика, «пользовавшегося всеобщим уважением в губернии»⁷¹.

Дальнейшие слова Семёнова-Тян-Шанского о Горсткіне совпадают с мнением Н. А. Тучковой-Огарёвой (она — об этом говорилось выше — критически отзывалась о Николае Ивановиче как декабристе): «один из типичных, но при этом наиболее просвещенных и лучших по своим нравственным качествам представителей отживающих крепостных порядков»⁷².

«Умный, хорошо образованный и передовой в своей среде, он еще в молодые годы, после 10-летней государственной службы, вышел в отставку и поселился в своем чембарском поместье, считая обязанностью дворянина-помещика работать на пользу отечества, стоя во главе крепостных крестьян своего поместья, о благосостоянии которых он считал своим долгом отечески заботиться. В течение 25-летнего личного управления своим поместьем он

сделался образцовым сельским хозяином и ввел в своем имении рациональные приемы хозяйства и улучшенные машины (напр. плуга, молотилки, веялки); научив работать на них своих дворовых людей, до тех пор не имевших других обязанностей, кроме личной службы при широких потребностях помещичьей усадьбы, он привлек их к сельскохозяйственным работам, сильно помогавшим крестьянской барщине, особливо в страдную пору. Относительно же исполнения этой барщины он являлся строгим, требовательным и даже взыскательным, но никогда не был жестоким и несправедливым. Вводя строгую дисциплину не только в свое барское, но и крестьянское хозяйство, он никогда не нарушал того исконного обычного права, на котором собственно и были основаны вековые отношения между помещиками и живущими в пределах дарованных им поместий крепкими земле этих поместий крестьянами»⁷³.

Любопытна аргументация, с которой И. Н. Горсткин защищал право помещиков единолично решать вопрос о наделении освобождаемых крестьян землей. Обсуждение возникло в связи тем, что крестьяне Пензенской губернии, согласно проектам местных дворян, теряли при своем освобождении с землей около 100 тысяч десятин. Им выделялось 2,25 десятины на душу, включая пахотную, усадебную, сенокосную землю и выгоны, в то время как при

крепостном праве на крестьянскую душу приходилось 2,25 десятины только пахотной земли.

И. Н. Горсткин доказывал, то у крестьян нет права собственности на землю. Она «полная собственность помещиков, от помещиков же зависит наделить крестьян, ими освобождаемых, таким количеством земли, какое им угодно и если бы крестьяне были наделены не 2,25, а 1,5 десятинами на тягло в каждом поле, то и то должны были почитать себя счастливыми, так как едва ли удельные и государственные крестьяне имеют 1,5 десятины пахотной земли в поле на тягло, и это количество, по нашим понятиям, обеспечивает быт крестьян»⁷⁴.

Мемуарист замечает, что статистика, приводимая Горстким, не верна. У государственных крестьян Пензенской губернии накануне освобождения было по 3 десятины пахотной земли на тягло⁷⁵.

Стоит еще раз отметить, что И. Н. Горсткин в Санкт-Петербурге твердо защищал позицию пензенского дворянства об освобождении крестьян за выкуп с землей, с распространением на нее (после выкупа) права частной собственности. Таким было мнение значительной части дворянства губернии, которое считало общину «историческим банкротом»⁷⁶, а в крестьянах-собственниках видело защитников государственного порядка. Горсткин

разделял это мнение и, как указывал Семёнов-Тян-Шанский, относился к общине «с ненавистью»⁷⁷.

Рачительный помещик, а где-то (если вспомнить случай с Пушиным) и скряга, И. Н. Горсткин слыл заядлым театралом. В историю Пензы он вошел как владелец одного из известных театров⁷⁸.

Театр Горсткина располагался в его собственном доме на улице Троицкой (ныне Кирова)⁷⁹. Он работал с 1844 года⁸⁰. Как вспоминал писатель В. А. Гиляровский, бывший в театре Горсткина уже при сыне Ивана Николаевича Льве, кабинет владельца театра был заставлен «шкафами книг» и «выходил окнами и балконом в сад над речкой Пензяткой»⁸¹.

Своей труппы у И. Н. Горсткина не было, и спектакли давали заезжие гастролеры. В основном ставились «пьесы легкие, несложные, забавные или остроумные и больше сообразные с дарованием и способностью актеров»⁸².

Зимой в театре Горсткина проходили любительские спектакли. Их подробности оставил в своих воспоминаниях писатель Илья Салов: «Горсткин был режиссером этих спектаклей и всегда в них участвовал. Лучшими исполнителями считались тогда Иван Николаевич Горсткин, Софья Алексеевна Панчулидзева, Сушкова, Сергей Маркеллович Загоскин (племянник писателя М. Н. Загоскина), гг. Всеволожские, Соболевский и другие. Спектакли эти отличались, помимо прекрасного исполнения,

и роскошной обстановкой, когда таковая требовалась. Приносилась изящная мебель, сцена украшалась растениями, картинами, бронзой... По окончании этих спектаклей занавес обыкновенно поднимался и на сцене происходили танцы, а затем накрывались столы и подавался ужин. Злые языки того времени (а когда только их не было и когда только их не будет?) говорили, что все эти ужины делались на счет бедных, но я полагаю, что эта была клевета, так как любители были люди весьма богатые и действительно заботившиеся о бедных. Ничего нет удивительного в том, что спектакли эти длились почти до рассвета и что очень часто участвовавшие оставались там до утра»⁸³.

Последние годы Ивана Николаевича Горсткина (его жена Елизавета Григорьевна скончалась 26 октября 1863 года)⁸⁴ прошли рядом с сыном Львом Николаевичем, отставным майором, жившим в Пензе. Судя по воспоминаниям Владимира Гиляровского, Лев Николаевич был сильно похож на отца: «высокообразованный старик», «старый барин в полном смысле этого слова» и такой же эгоист и педант. «Горсткин заранее назначал нам день и намечал предмет беседы, выбирая темой какой-нибудь прошедший или готовящийся спектакль, и предлагал нам пользоваться его старинной библиотекой»⁸⁵. Вероятно, отмена крепостного права сильно сказалась на благополучии Горстких. Гиляровский пишет, что Лев Николаевич был

«небогат и существовал только арендой за театр»⁸⁶. Владимир Гиляровский актёрствовал в театре Горсткина спустя всего лишь год после смерти его основателя.

Умер Иван Николаевич Горсткин 26 ноября 1877 года⁸⁷. Погребли его рядом с могилой жены, на кладбище находившегося рядом с пензенским домом Горстких Троицкого женского монастыря.

Могила И. Н. Горсткина не сохранилась.

¹ Декабристы. Биографический справочник. М. : Наука, 1988. С. 57.

² Арсеньев В. С. Декабристы-туляки. Тула, 1926. С. 26.

³ Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. IV. С. 372.

⁴ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.196.Оп.2. Д. 555. Л. 10, 11, 19об.

⁵ Там же. Л. 3об-4, 31.

⁶ ГАПО. Ф. 60. Оп.4. Д. 95. Л. 58, 919.

⁷ Восстание декабристов. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. С. 198.

⁸ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796-1896. СПб., 1896. С. 159.

⁹ Там же. С. 163-165.

¹⁰ Там же. С. 171.

¹¹ Восстание декабристов. С. 198.

¹² Там же.

¹³ Восстание декабристов. М.: Наука, 1969. Т. XII. С. 215 (показания В. С. Норова).

¹⁴ Декабристы в воспоминаниях современников. М. : МГУ, 1988. С. 184.

¹⁵ Дергачёв А. Ф. Декабристы-пензенцы. Саратов, 1976. С. 110-111; Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 159.

-
- ¹⁶ Восстание декабристов. Т. XVIII. с. 201-202.
- ¹⁷ Там же. С. 200-201.
- ¹⁸ Трубецкой С.П. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818-1823 гг. СПб. : Лики России, 2011. С. 51-59.
- ¹⁹ Там же. С. 52.
- ²⁰ Там же. С. 55.
- ²¹ Ильин П. В. Просветительство и «Союз благоденствия» (к проблеме «раннего декабризма»)// Краеведческие записки. Спб. : Пилигрим, 1996. С. 146. .
- ²² Восстание декабристов. Т. XVIII. с. 201.
- ²³ Там же. С. 198-199.
- ²⁴ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818-1823 гг. С. 60.
- ²⁵ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2008. Т. 1. С.132-134.
- ²⁶ Савин О. М. А. С. Пушкин и Пенза. Пенза, 2010. С. 48-49.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 555. Л. 67-70.
- ²⁸ Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 198.
- ²⁹ Там же. С. 199.
- ³⁰ Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве (1816-1825) // Декабристы в Москве. М. : Московский рабочий, 1963. С. 65, 71.
- ³¹ Там же. С. 84-88.
- ³² Там же. С. 85-86.
- ³³ Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 203-204.
- ³⁴ Там же. С. 145.
- ³⁵ Там же. С. 203.
- ³⁶ Декабристы в Москве. С. 81; Дергачёв А. Ф. Декабристы-пензенцы. С. 104-105.
- ³⁷ Декабристы. С. 57.
- ³⁸ Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 206.

-
- ³⁹ Декабристы. С. 249.
- ⁴⁰ Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 202.
- ⁴¹ Вершевская М. В. Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки. С. 114-115.
- ⁴² Восстание декабристов. Т. XVIII. С. 345.
- ⁴³ Декабристы. С. 57.
- ⁴⁴ Пуцин И. И. Сочинения и письма. М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 83.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л. 42.
- ⁴⁶ Там же. Л. 126.
- ⁴⁷ Там же. Л. 94,99.
- ⁴⁸ Там же. Л. 114.
- ⁴⁹ Там же. Л. 134, 137.
- ⁵⁰ Там же. Л. 180.
- ⁵¹ Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 326.
- ⁵² ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л. 192, 193.
- ⁵³ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 555. Л. 67-70.
- ⁵⁴ Звенья. С. 342-343.
- ⁵⁵ Гессен С. Декабристы перед судом истории (1825-1925). Петроград, 1926. С. 16-17.
- ⁵⁶ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л. 213, 214.
- ⁵⁷ Тюстин А., Шишкин И. Славу Пензы умножившие. Пенза, 2012. Т. 1. С. 96.
- ⁵⁸ Дворжанский А. Шишкин И. История пензенских улиц. Кн. 1. Улица Троицкая. Пенза, 2012. С. 21.
- ⁵⁹ Там же. С. 22.
- ⁶⁰ Записки В.П. Зубкова о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. Б. М., 1906. С. 86.
- ⁶¹ Цит. по: Дворжанский А., Шишкин И. История пензенских улиц. С. 22.
- ⁶² В примечании Н. А. Тучковой-Огарёвой сказано, что речь идет об И. П. Липранди.

-
- ⁶³ Тучкова-Огарёва Н. А. Воспоминания. М., 1959. С. 32-33. А. Ф. Дергачёв в книге «Декабристы-пензенцы» опустил все нелицеприятные характеристики И. Н. Горсткина. См.: Дергачёв А. Ф. Указ. соч. С. 116-117.
- ⁶⁴ Звенья. С. 295.
- ⁶⁵ Пушин И. И. Сочинения и письма. М. : Наука, 1999. Т.2. С. 244-245.
- ⁶⁶ Там же. С. 247-248.
- ⁶⁷ Там же. С. 254.
- ⁶⁸ Там же. С. 309.
- ⁶⁹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 555. Л. 1-1об.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 89об-90.
- ⁷¹ Семёнов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Петроград, 1916. Т. 4. С. 92.
- ⁷² Там же. С. 92-93.
- ⁷³ Там же. С. 93.
- ⁷⁴ Там же. С. 94.
- ⁷⁵ Там же. С. 95.
- ⁷⁶ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7.
- ⁷⁷ Семёнов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. С. 96.
- ⁷⁸ Савин О. Пенза театральная. Пенза, 2008. С. 44-45.
- ⁷⁹ Савин О. Пенза театральная. С. 70.
- ⁸⁰ Дворжанский А., Шишкин И. История пензенских улиц. С. 21.
- ⁸¹ Гиляровский В. А. Соч. в четырех томах. М., 1989. Т. 1. С. 192.
- ⁸² Там же. С. 70.
- ⁸³ Салов И. Умчавшиеся годы. Саратов, 1990. С. 233-234.
- ⁸⁴ Тюстин А. В. Пензенский некрополь XVII-XX вв. Пенза, 2013. С. 80.
- ⁸⁵ Гиляровский В. А. Указ. соч. С. 182, 192.
- ⁸⁶ Там же. С. 191.
- ⁸⁷ Тюстин А. В. Указ. соч. С. 79-80.

Алексей Тучков

Алексей Алексеевич Тучков родился в Москве на Святки 26 декабря 1800 года¹. По его словам, что важно для личного самоопределения, «за двенадцать лет до нашествия французов»². Отец Тучкова, Алексей Алексеевич, генерал-майор, в годы Отечественной войны являлся предводителем дворянства Звенигородского уезда Московской губернии³. «Он был богат не столько по наследству, сколько по счастливой игре в карты, к которым питал большую страсть», — вспоминал внучка генерала и дочь декабриста Наталья Тучкова-Огарёва⁴.

Двоюродные деды Тучкова-младшего Александр, Павел, Николай, Сергей Алексеевичи воевали с Наполеоном. Тучков-первый, Николай, получил смертельную рану на Бородинском поле и перевезенный в Можайск братом Алексеем вскоре скончался. Тучков-четвертый, Александр, генерал-майор, погиб у Семёновской флешки. В память о муже Маргарита Михайловна Тучкова, урождённая Нарышкина, основала на Бородинском поле монастырь, став его настоятельницей. С родным братом Маргариты Тучковой

Михаилом Михайловичем Нарышкиным судьба сведет Алексея Тучкова в Союзе Благоденствия. В детстве Тучков вживую видел армию Наполеона и с «младшим братом играл ружьями, брошенными солдатами французами в поле, близ сада»⁵.

Первоначальное образование Алексей Алексеевич получил дома, в усадьбах отца на Пречистенке и в Подмосковье. Затем был Московский университетский благородный пансион, где Алексей Тучков учился с сентября 1814 по сентябрь 1816 года. Потом — до февраля 1817 года — училище колонновожатых (так в то время называли юнкеров, готовящихся стать офицерами Генерального штаба)⁶.

В Москве училище колоновожатых основал на собственные средства генерал Николай Николаевич Муравьёв, отец декабристов Александра и Михаила Муравьёвых. Вместе с Тучковым, по словам его дочери, учились братья Жемчужниковы, в том числе декабрист Антон Аполлонович Жемчужников⁷. Тучков был дружен с братьями, часто бывал у них в гостях, где влюбился в их сестру Наталью. В 1824 году она стал женой Тучкова.

Из училища колонновожатых Алексей Тучков вышел в марте 1817 года и сразу же был зачислен в Пажеский корпус — самое престижное военно-учебное заведение империи. Как писал сам Тучков, «отец мой желал, чтобы я вступил в военную службу»⁸. В июле 1817 года Алексей Алексеевич

Тучков получил звание прапорщика и стал офицером Генерального штаба. К этому времени относится его командировка в Тульскую губернию для топографического и статистического описания Одоевского и Белевского уездов, а также его знаменитый дневник, неоднократно цитировавшийся декабристоведами.

Вот некоторые фрагменты дневника (1818 год, июль)⁹:

«Сидоровское принадлежит И.Н.Х., городничему новосильскому. Крестьяне работают всю неделю поголовно на барина, исключая четверга и пятницы, — они только два дня работают на себя; что же касается до воскресенья, то они в этот день работают на барина, себе — грех».

«Покровское принадлежит И.И.Г. — вот его хозяйство: первое — оброк с тягла сорок рублей; сверх того, барщина поголовно, когда вздумает; всякий крестьянин обязан дать ему барана, овцу, курицу, свиней, поросят, даже масла, холста и пр., и всего, что только можно вздумать. Собранный скот и вообще весь господский роздан по крестьянам; они обязаны его кормить, а в случае, что корова или другое издохнет, то мужик за это должен заплатить, как тому и был пример: за теленочка взял он 60 рублей с мужика, который его кормил».

«Немцово — однодворческая деревня. Однодворцы живут несравненно чище, богаче; они имеют своих крестьян и поступают с ними варварски. Правда, что они не бьют их, но заставляют работать очень много, и что хуже всего делают их

бесчеловечно: одному достался дед, другому — сын, третьему — внук. Продают и покупают их по одиночке».

«Что же касается до самих помещиков, то я не знаю, с чем можно их сравнить — вот их образ жизни: встают рано, пойдут осмотрят работу крестьянина, секут, ежели покажется дурною, потом пьют травник и сивуху, не знаю только, в какое время: я виделся с иными по утру рано, с другими поздно, с иными в полдень, и везде заставал если не водку (ибо это дорого), то сивуху или травник».

«В заключение рекогносцировки одоевского уезда смело можно сказать, что напрасно думают о русских крестьянах, что они варвары безо всякого просвещения, что они преданы все почти пьянству и не чувствуют вреда, происходящего от его пагубного порока; что они, получив однажды свободу, не в состоянии будут употреблять ее ни на что полезное, и что тогда размножится число людей, преданных всяким порокам, особливо же грабеж и разбой, — наконец напрасно говорят, что теперь — золотое время спокойствия и тишины, благодаря власти помещиков. Я удостоверился в несправедливости сих мнений следующими доводами, которые ясно убеждают в противном. Можно ли назвать варваром человека, который бы сказал следующее: «Господа забыли, что и мы такие же, как они, люди, и обходятся с нами как со скотами — продают детей наших и нас самих по одиночке, разоряют целые семейства и целые

деревни, наказывают безвинно и жестоко. Госпожи, забыв стыд, свойственный их полу, приказывают нескольким мужчинам при своих глазах сечь безвинно обвиняемых женщин. Неужели Бог не услышит наших молитв? Разве господа думают, что они никогда не умрут и никогда не дадут ответа пред Богом в их беззакониях? Но по смерти мы будем все равны, и там не будет ни господина, ни раба. Это одна наша надежда, и если б мы ее лишились, мы бы не знали, как и жить на свете».

Двумя месяцами ранее, весной 1818 года, Алексей Тучков был принят в Союз Благоденствия членом его Коренной управы и руководителем управы в Москве полковником Александром Муравьевым — сыном создателя училища колонновожатых, где Тучков учился год назад¹⁰.

Свое участие в Союзе Благоденствия Алексей Алексеевич Тучков не отрицал, но утверждал, что «ни в каких совещаниях не был»¹¹. Несмотря на тайный статус, задачи Союза Благоденствия были вполне легальными. Цель Союза формулировалась так: «добрая нравственность есть твердый оплот благоденствия и доблести народной, и что при всех об оном заботах Правительства едва ли достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут, Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность, распространением между соотечественниками истинных

правил нравственности и просвещения, споспешествовать Правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена. Имея целью благо Отечества, Союз не скрывает оной от благомыслящих сограждан, но для избежания нареканий злобы и зависти, действия оного должны производиться в тайне»¹².

По словам дочери Тучкова, «пылкий и самостоятельный характер отца был не пригоден для военной службы; не раз у него случались неприятности с начальством, обращавшимся с подчиненными подчас довольно грубо. Так, например, однажды, посланный куда-то по казенной надобности, отец мой... стоял на крыльце станционного дома, когда подъехала кибитка, в которой сидел генерал (впоследствии узнали, что это был генерал Нейдгардт).

Он стал звать пальцем отца моего.

— Эй, ты, поди сюда! — кричал генерал.

— Сам поди, коли тебе надо, — отвечал отец, не двигаясь с места.

— Однако кто ты? — спрашивает сердито генерал.

— Офицер, посланный по казенной надобности, — отвечает ему отец.

— А ты не видишь, кто я? — вскричал генерал.

— Вижу, — отвечал отец, — человек дурного воспитания.

— Как вы смеее так дерзко говорить? Ваше имя? — кипятился Нейдгардт.

— Генерального штаба поручик Тучков, чтобы ты не думал, что я скрываю, — отвечал отец.

Эта неприятная история могла бы кончиться очень нехорошо, но, к счастью, Нейдгардт был хорошо знаком со стариками Тучковыми, потому и промолчал, — едва ли потому, что сам был виноват»¹³.

Происшедшее, скорее всего, имело место быть в 1819–1820 годах, когда Алексей Алексеевич Тучков был подпоручиком. Звание поручика ему присвоили при отставке, осенью 1820 года¹⁴. В Главном штабе, где служил Тучков, он состоял в подчинении флигель-адъютанта полковника А. И. Михайловского-Данилевского, первого историка Отечественной войны 1812 года («Записки 1814-1815 годов» Михайловского-Данилевского выйдут в 1834 году).

В отставку «по болезни глаз» Тучков ушел 3 октября 1820 года и через два года уехал за границу, где «занимался медициною и физическими науками». После возвращения из-за границы (1824 год) Алексей Алексеевич женился и жил в имении отца в Тверской губернии. Он вспоминал, что в это время «со всей деятельностью молодости» принялся за хозяйство¹⁵. Зимой Алексей Алексеевич и Наталья Аполлоновна Тучковы перебирались в Москву.

Здесь, как утверждают декабристоведеы, Тучков вновь вступил в тайную организацию, и не в одну, а сразу в две — Московскую управу Северного общества и Практический союз¹⁶. Произошло это в январе или феврале 1825 года. Однако это утверждение не совсем корректно. На следствии никто из декабристов (как и сам Тучков) не говорил о его вступлении в эти общества, упоминалось только то, что одна из встреч проходила на его квартире¹⁷.

Показательно, что следствие не считало Тучкова членом Северного общества и Практического союза. Единственное утверждение князя Константина Оболенского на этот счет было оставлено им без внимания: «Оболенский пояснил, что он, будучи при первом допросе в болезненном состоянии, даже до дурноты, не помнит, что сказал о сем совещании, но теперь утверждает, что об оном не знает и никогда не слыхивал»¹⁸. Правитель дел Следственной комиссии А. Д. Боровков писал: «Из показаний членов, участвовавших в 1825-м году при составлении управы в Москве, — Кашкина, Горсткина, Колошина и Нарышкина открывается, что у Тучкова совещания о введении конституции не было, а проводили вечер в обыкновенных разговорах...»¹⁹

Иными словами, Алексей Тучков знал о декабристских организациях — Северном обществе и Практическом союзе, но членом их не был. Считать его членом выше названных обществ только на основании того, что он был на их

заседаниях (Тучков находился в дружеских отношениях со многими декабристами) — преувеличение. Еще один аргумент — воспоминания Натальи Алексеевны Тучковой-Огарёвой. Они писались во второй половине XIX века, когда декабристы были уже амнистированы, и о них можно было говорить открыто. Тучкова считала отца членом только Союза Благоденствия и указывала, что он «был дружен со многими из членов Северного общества и с некоторыми из Южного; особенно дружен он был с Иваном Пуциным, с А. Бестужевым, Евгением Оболенским, с братьями Муравьёвыми-Апостолами и др.»²⁰

Есть и личный аспект, который позволяет считать правдивыми слова Тучкова, сказанные на следствии. Декабрист признавался: «...я заметил в себе один важный недостаток, в числе других недостатков, которые может быть заметили другие. Мой недостаток есть откровенность, а иногда излишняя доверчивость к людям»²¹.

Получается, что А. А. Тучкову в силу особенностей своего характера было сложно лгать, поэтому на следствии по делу декабристов он говорил правду.

Решение об аресте Алексея Тучкова Следственный комитет принял 12 января 1826 года²². Имя Тучкова, как и Константина Оболенского, впервые назвал допрошенный 11 января Сергей Николаевич Кашкин, член Северного общества и Практического союза²³. Ровно через месяц,

12 февраля, Тучкова первый раз допросили. В протоколе заседания Следственного комитета значилось: «Допрашивали: гвардейского генерального штаба поручика графа Коновицына, отставного поручика Тучкова, штаб-лекаря Смирнова, отставного польских войск генерала графа Хоткевича и тех же войск отставного полковника Тарновского. Первые три ничего замечательного не показали...»²⁴

Со слов дочери Тучкова, по «привозу в столицу» отец «был доставлен прямо в Зимний дворец; его допрашивали в зале, около кабинета императора». После допроса отец сказал громко: «Если вы хотите отвести меня в крепость, то вам придется тащить меня силою, так как добровольно я ни за что не пойду».

Государь спросил, что это за шум; узнав, в чем дело, он приказал содержать отца в генеральном штабе, где он просидел три или четыре месяца. Так как его не было в Петербурге во время вооруженного возмущения, то против него не нашлось никаких важных улик. Я спрашивала отца, почему он так восстал против заключения в крепости.

— Я боялся за твою мать, — отвечал он, — боялся, что эта весть дойдет до моей семьи... тогда ожидали рождения твоей старшей сестры.

Действительно, во время заключения отца родилась, в 1826 году, старшая сестра моя, Анна Алексеевна, в Москве, в

доме, нанятом дедом для всей семьи, — своих домов у него тогда уже не было»²⁵.

Последний раз дело Тучкова Следственный комитет рассмотрел 11 апреля 1826 года, а через несколько дней последовала решение Николая I: «Продержать еще месяц под арестом и потом отпустить»²⁶.

Алексей Алексеевич сохранил тёплую память об участниках тайных обществ. Наталья Тучкова-Огарёва вспоминала, что отец «много говорил о декабристах, об их мечтах; он вздыхал, вспоминая о них и думая, сколько пользы могли бы принести России эти образованные и высоконравственные люди, если бы несчастная случайность не увлекала их в водоворот декабрьской смуты, который выбросил их навсегда из общества; слыша так много о них, об их страданиях, о лишениях, перенесённых ими доблестно, мы относились, конечно, с детства к ним восторженно»²⁷.

После возвращения из Петербурга в Москву А. А. Тучков вместе с семьей и своим отцом уехал в Пензенскую губернию, в село Яхонтово (Долгоруково), ныне Иссинского района Пензенской области. Оно было «отдаленным» имением Тучковых. Еще три поместья были в губерниях Тульской, Симбирской и Владимирской (все остальные оказались проданы за карточные долги отца декабриста). Тучкова-Огарева вспоминала: «...вся наша семья перебралась на жительство в село Яхонтово /.../, в

маленький домик, крытый соломой, в котором проживали прежде приказчики; из Москвы перевезли немного мебели, некоторые сокровища, остатки прежнего величия, множество книг с литографиями картин разных галерей, с изображением разных пород птиц и пр.; все эти дорогие издания хранились в шкафах, на которых были расставлены бюсты разных греческих богов и богинь; впоследствии старшая сестра рисовала с них карандашом и тушью»²⁸.

В Яхонтово Алексей Алексеевич Тучков провел оставшуюся часть своей жизни, выезжая из него в Петербург, Москву и за границу.

В 1836 году после возвращения из Бельгии и Франции, где был на лечении, Тучков завел в Яхонтово свеклосахарный завод. «Устроил паровое производство по рисункам, которые привез с собою, — вспоминал он, — и при самых ограниченных способах, я первый в России с успехом начал паровое сахарное производство»²⁹. Карамельками с собственного завода Алексей Тучков, по словам Дениса Давыдова, угощал местное дворянское общество³⁰.

Рядом с сахарным заводом Тучков в 1839 году построил новый барский дом, в который он и его семья переехали после смерти дочери декабриста Анны, рожденной в период петербургского заточения Тучкова.

А годом ранее в Яхонтово приезжал пензенский епископ Амвросий (Морев). Наталья Тучкова-Огарёва сохранила в

воспоминаниях их диалог: «Все разместились в гостиной, куда и мы с сестрой вышли перед обедом; архиерей разговаривал с моим отцом, который сказал ему, между прочим, почтительно улыбаясь:

— Вот что плохо, преосвященный, крестьян-то не учат закону божьему; они очень суеверны, а религии вовсе не знают; об евангелии и не слыхивали; ведь мы ваше стадо, вы должны печься о нас грешных.

Амвросий усмехнулся:

— Ученье Христа! Да что вы, Алексей Алексеевич, разве можно так шутить! Вы благодарите создателя, что они (крепостные) не знают евангелия; знали бы, так вас бы не слушались; начальство-то лучше нас с вами это понимает»³¹.

Соседом по имению Алексея Алексеевича Тучкова был поэт и публицист Николай Платонович Огарёв, друг, пожалуй, самого известного политического эмигранта России XIX века писателя Александра Герцена. В Старом Акшине (ныне Республика Мордовия), что находилось в 35 верстах от Яхонтово, Огарёв провел свои детские годы. Весной 1835 года за «переписку, наполненную свободомыслием», Николай Огарев был выслан под надзор отца и полиции в Пензенскую губернию³². Тогда же Огарёв впервые появился в Яхонтово. «Он любил рассуждать с моим отцом, слушать его рассказы о 14-м декабря, о друзьях декабристах, — вспоминала Тучкова-Огарёва, — иногда они играли в шахматы»³³.

Тучков входил в круг близких друзей А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, давал им деньги в долг³⁴. Был знаком со многими «западниками». В 1844 году, например, слушал лекции историка Т. Н. Грановского. Был искренне «удивлён профессором и аудиторией»³⁵.

В неотправленном письме к Огарёву от 18 апреля 1843 года Герцен писал: «Ты спрашиваешь об Алексее Алексеевиче — это человек, говорящий $2 \times 2 = 4$. (Это гегелевское замечание, что знающий реальное, здоровая натура говорит, увидя $2 \times 2 = 4$, не будучи скандализирован, что не три, и не страдая о том, что не 5)».³⁶

В феврале 1837 года А. А. Тучков был впервые избран предводителем дворянства Инсарского уезда³⁷. «Я был удивлен, — писал он, — что меня выбрали потому, что не имел никакой совершенно партии. А выбрали дворяне меня потому именно, что я был без всяких с ними особых связей (что и не редко, что предпочитают человека не имеющего пристрастия ни к кому в особенности) и что бывшие прежде в этой должности иным очень не нравились. /.../ Меня выбрали, я принял звание и с честью его нес. Бремя тяжелое, хотя круг обязанностей и небольшой. Надобно угодить начальству, закону и дворянству. Это труд выше сил человеческих, если начальство не содействует благородному предводителю в отправлении его законных обязанностей»³⁸.

По словам дочери Тучкова, Алексей Алексеевич находился во враждебных отношениях к пензенскому губернатору Александру Алексеевичу Панчулидзеву: «Панчулидзева удивлялся взглядам отца и никогда не мог его вполне понять; между ними было не мало ссор и неприятностей. Однажды отец, выведенный из терпения, сказал ему: «Вы мне вовсе не начальник, я непосредственно подчинен министру внутренних дел»³⁹. Возможно, что опыт общения с Панчулидзевым привел Тучкова к странной формуле эффективного общения с российской властью, которой он однажды поделился с Герценом. В «Былом и думах» известный эмигрант-публицист писал: «У нас все так, — говаривал Алексей Алексеевич, — кто первый даст острастку, начнет кричать, тот и одержит верх. Если, говоря с начальником, вы ему позволите поднять голос, вы пропали; услышав себя кричащим, он делается дикий зверь. Если же при первом грубом слове вы закричали, он непременно испугается и уступит, думая, что вы с характером и что таких людей не надобно слишком дразнить»⁴⁰.

Уездным предводителем дворянства А. А. Тучкова избирали пять раз: в 1837, 1839, 1842, 1845 и 1862 годах⁴¹. Стоит отметить, что во всех случаях Тучков имел твердую поддержку инсарского дворянства, даже если его кандидатура очень сильно не устраивала губернатора. Так было, например, в 1858 году, когда Панчулидзева, накануне отмены

крепостного права, пытался заблокировать процесс избрания Тучкова в Комитет по улучшению быта помещичьих крестьян⁴². Сам декабрист желания быть выбранным не изъявил и вопрос был снят сам собой. От должности предводителя дворянства Тучкова отстраняли всего лишь раз и по решению Николая I в 1850 году⁴³.

Эта отставка получила широкую огласку. Советские исследователи считали отставку политической, но, скорее всего, в основе ее — бытовая причина.

В 1848 году Тучковы были за границей, путешествовали по Италии и Франции. Их спутником была семья Александра Ивановича Герцена. В письме к Огарёву Александр Герцен почему-то сравнивал Алексея Тучкова с Владимиром Бельтовым, героем своего романа «Кто виноват?». Роман только что, в 1847 году, вышел в свет отдельным изданием. «Это Бельтов в своем роде», — писал он⁴⁴, хотя биография литературного персонажа Герцена никак не совпадала с биографией Тучкова. Да и в дворянском обществе губернии Тучков не был чужим, как Бельтов, хотя, как и он читал «вредные книжонки все то время, когда «остальные дворяне «занимались полезными картами»⁴⁵. Алексей Алексеевич «пристрастно относился к Парижу и французам»⁴⁶. Герцен смеялся над таким отношением и говорил декабристу о своём разочаровании во Франции.

Тучкова-Огарёва вспоминала: «В одно из этих прений отец мой, выведенный из терпения безнадежностью взглядов Герцена на Францию, сказал ему:

— Позвольте вам сказать, Александр Иванович, что вы не знаете этой страны, вы ее не понимаете; одна электрическая искра падет, и все изменится; чем хуже нам кажется все, тем ближе к развязке.

— Из ваших слов о том, что делается во Франции, я заключаю, что мы не далеки от провозглашения республики.

— Я пари держу, — вскричал отец, — что Франция прогонит мещанского короля, который правит ее судьбами, и провозгласит республику»⁴⁷.

Герцен и Тучков поспорили на бутылку шампанского и вскоре Герцен, как проигравший, ее представил. Король Франции Луи-Филипп был низвергнут, и 25 февраля 1848 года Франция стала республикой.

Этот пример исчерпывающе характеризует либерализм Алексея Тучкова, его западничество, приверженность республиканским идеалам. В дни Французской революции Тучков был в Париже и видел её своими глазами. Он был, говорила его дочь, «в неопisanном восторге»⁴⁸.

Литературный критик Павел Анненков вспоминал о днях Учредительного собрания в мае 1848 года: «Я ходил все это время в Тюльери и по площади de la Concorde, занятой батальонами национальной гвардии, линейного войска и

палимой ярким солнцем, ожидая сигнала, который должен был по программе Правительства возвестить народу объявление Республики в собрании. Со мной было семейство Тучковых»⁴⁹.

Бескровный характер Французской революции обрадовал Тучкова, показал правильность его веры во французский народ, способный совершать важные перевороты без крови. Однако затем июньское восстание рабочих, подавленное армией, разрушило его мечту.

«Мы увидели, на какие злодеяния способен человек, когда он охвачен чувством страха. — Писала Тучкова-Огарёва. — Из провинции прибыла в Париж, для восстановления порядка, мобилизованная гвардия; рабочие в отчаянии, без работы, голодные, отважились на устройство баррикад; как ужасно было отмищение мещан! С Елисейских полей мы слышали отчетливо, когда расстреливали на Марсовом поле; достаточно было, чтобы какой-нибудь полицейский удостоверился, что пахло порохом от рук рабочего, — и его немедленно, без суда, волокли расстреливать. Герцен и мой отец становились угрюмы, молчаливы. И в самом деле, легче было молчать: негодование, бессильный гнев в них брали верх над всеми другими чувствами»⁵⁰.

Во Франции политические убеждения Алексея Алексеевича Тучкова, лелеемые с декабристских времен,

распатались и ослабли. Дочь Тучкова подвела итог отцовских размышлений: «Оказалось, что в новой республике не так хорошо, как думалось издали; сменили заглавие: слово «монархия» на слово «республика», а содержание осталось то же. В экономическом отношении благосостояние народа ничуть не улучшилось и никто о нем и не думал; народ бедствовал, особенно рабочий класс Парижа; он требовал работы, а испуганное мещанское сословие сокращало все производства, сводило на минимум все требования и заказы»⁵¹.

О внутреннем перевороте Тучкова писал и Герцен своим друзьям в Москву: «Перехожу к более личным делам. Алексей Алексеевич для вас будет кладезем подробностей, он много видел, и хорошо видел, июньские дни отожгли и у него последнее дикое мясо, т.е. буржуазологии...»⁵². В Москву из революционной Франции А. А. Тучков привез французские журналы⁵³.

После возвращения из заграничного путешествия дочь Алексея Тучкова Наталья влюбилась в Николая Огарёва. Личная жизнь Огарёва (он был женат на племяннице пензенского губернатора Панчулидзева Марии Львовне, урожденной Рославлёвой) к этому времени окончательно расстроилась. Супруги не жили вместе, но и не разводились. Согласие на развод не давала Мария Львовна. Тучков был

против интимных отношений дочери с Огарёвым. Однако, несмотря на это, они жили гражданским браком.

Панчулидзеv считал, что Огарёv и Тучков позорят его племянницу. Находясь в Петербурге, он встретился с руководителем III отделения графом А. Ф. Орловым, и заявил, намекая на факт проживания А. А. Тучкова в революционной Франции, о политической неблагонадежности и безнравственном поведении его и Николая Огарёва. В марте 1850 года последовал их арест.

Сама Тучкова-Огарёва не увидела в нем никакой политики, считая арест результатом её «смелого поступка»⁵⁴. Следствие, проведенное в Петербурге, выдвинутых обвинений не подтвердило. Алексей Тучков и Николай Огарёв были отпущены (как и арестованный с ними Николай Сатин, зять Тучкова), но — из объятий русского Левиафана просто так никто не освобождался — под секретный надзор полиции. В 1853 году Мария Львовна Огарёва скончалась, и Наталья Тучкова с Николаем Огаревым обвенчались.

Показания, данные Алексеем Алексеевичем Тучковым по данному делу, довольно интересны и позволяют узнать не только эпизоды его биографии, но и его точку зрения на некоторые вопросы⁵⁵.

Обвинение в коммунизме

«Я коммунист!!!! Да я не знаю еще определенно, что и означает слово коммунист в отношении к обществу, в кото-

ром однако же живу я, которого я член, дворянин и был предводителем дворянства. Если это есть тайная секта, то почему же во всей России эта секта состоит из меня одного? /.../ Из всех бредней, которые печатались в Европе, из всех нелепостей, конечно гнуснее всего коммунизм. Даже сам Прудон его обругал. Я не охотник ни до газет, ни до политики, ни до открытий, называемых теориями социалистов. /.../ Я не имел времени читать все эти бредни, и скажу наконец решительно, что несмотря на безумные партии, взволновавшие к несчастью Западную Европу, и там даже не может быть на деле этой безбожной секты коммунистов. Безумную теорию можно написать на бумаге, но осуществить на деле — другое дело».

Европа и Россия

«Что же касается до заграничных обычаев в сравнении с нашими, то я скажу смело, и у нас и у них есть хорошие и есть дурные обычаи. Но предпочитать иностранное, потому что оно не Русское, есть глупое слабоумие, в котором нельзя меня упрекнуть. Я люблю все, что Русское, и где я ни был, я везде стыдился отвергать отечественные обычаи за то, что они не сходны с иноземными. Всякая народность имеет свою особенность, которая может казаться смешною иностранцу, как их обычаи кажутся странными нам. Но Русский не может гнушаться отечественными обычаями, как и немец не может гнушаться немецкими».

О революции

«Я всегда ненавидел всевозможные революции, потому что верю в спокойное усовершенствование дел человеческих, а не верю, чтобы потоки крови решали вопросы гражданственности».

О религии

«Всю свою жизнь я провел в религиозных убеждениях и никогда не был против религии. Таинство брака я не только уважал в глубине сердца моего, но и говорил против безумства новейших писателей, из которых Жорж Занд старалась уменьшить влияние религии на это таинство. Но против каких либо обрядов церкви я никогда не говорил. Но что касается до постов, то скажу, что я в числе весьма многих, которые не соблюдают в строгости постов. Частые болезни и слабость желудка не позволяют мне соблюдать постов в строгости. Много раз священники разрешали скоромную пищу, особенно когда человек и без того мало ее употребляет. Я именно в этом положении нахожусь. Я ем чрезвычайно мало и могу сказать, что всю мою жизнь провожу в посте, употребляя необходимо нужное для моего существования».

Алексей Алексеевич Тучков был помещиком средней руки. Накануне отмены крепостного права за ним числилось 3604 десятины земли⁵⁶. К крепостным крестьянам он относился хорошо, и они, по свидетельству дочери, его любили. Свидетельством доброго отношения к крестьянам

является Уставная грамота села Яхонтово — договор о наделении землей крестьян, вышедших из крепостной зависимости⁵⁷. Тучков отдал им всю землю, что была в их пользовании до 1861 года: 1410 десятин или по 2,3 десятины на мужскую душу. Земля прилегала к селу, имела сенокосные угодья и водопои. Однако Тучков (такое право было у него, как помещика, по закону) планировал переселить 21 крестьянскую семью, чьи избы находились близко к усадьбе. Для устройства на новом месте Тучков выделял им пособие. Крестьяне не согласились с решением помещика и затеяли против него судебную тяжбу. Она продолжалась десять лет и закончилась в 1875 году в пользу крестьян. Дома крестьян остались на месте⁵⁸.

Несмотря на практический склад ума⁵⁹, Алексей Алексеевич Тучков, как и большинство дворян-помещиков, не сумел справиться с ведением хозяйства после отмены крепостного права. На имении Тучкова, перешедшем к нему от отца в 1841 году⁶⁰, висели огромные долги. Весь выкупной платеж — 66946 рублей — пошел на погашение задолженности только Московской сохранной казне⁶¹.

Однако Тучков задолжал большие суммы и частным лицам. Но источников их погашения не было. С наймом крестьян не получалось, а сахарный завод после отмены крепостного права не работал. В 1870 году Яхонтово, по решению суда, было описано за долги⁶².

Тяжелым ударом для Тучкова, примерного семьянина, стала семейная драма его дочери. Находясь за границей, Наталья Алексеевна, не разведясь с Николаем Огарёвым, сожительствовала с Герценом.

Их общий ребёнок, Лиза Герцена, в 1875 году из-за неразделенной любви покончила жизнь самоубийством; двое малышей, сын и дочка, умерли от дифтерита в трехлетнем возрасте. «Наталья Алексеевна обладала сложной психикой личности, замкнутой на самой себе. Эгоцентризм её не знал пределов, хотя она в минуты просветления порой глубоко страдала, бывала критична по отношению к самой себе. — Писала о дочери Тучкова историк Наталья Пирумова. — Переписка Герцена и Огарёва конца 50-х-60-х годов помимо делового и идейного содержания была посвящена проблеме невозможности как совместной жизни с Натальей Алексеевной, так и полной разлуки с ней»⁶³.

Алексей Алексеевич Тучков неоднократно ездил за границу к дочери⁶⁴, часто находившейся в подавленном состоянии⁶⁵. В 1876 году, после смерти Герцена и уговоров отца, Наталья Алексеевна вернулась в Яхонтово.

Алексей Алексеевич Тучков скончался три года спустя после возвращения дочери и был похоронен при церкви села Старое Акшино. Могила декабриста не сохранилась.

-
- ¹ Декабристы. Биографический справочник. М. : Наука, 1988. С. 180.
- ² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 3102. Л. 26.
- ³ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. Спб., 1812, Ч. 2. С. 22.
- ⁴ Тучкова-Огарёва Н. А. Воспоминания. М., 1959. С. 22.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ГАПО. Ф. р. 2635. Оп. 1. Д. 250. Копия дела А. А. Тучкова из III Отделения его Императорского Величества канцелярии (секретная полиция). В дальнейшем ссылки на это дело, содержащее собственноручные показания А. А. Тучкова, обозначаются «Дело Тучкова».
- ⁷ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. Соч. С. 25.
- ⁸ Дело Тучкова.
- ⁹ Тучков А. А. Дневник // Вестник Европы. 1900. № 8.
- ¹⁰ Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве. (1816-1825) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 36.
- ¹¹ Восстание декабристов. М. : Наука, 1986. Т. XVI. С. 132.
- ¹² См. Устав Союза Благоденствия в книге: Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Спб., 1908. С. 547-576.
- ¹³ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1103. Л. 87-88.
- ¹⁵ Дело Тучкова.
- ¹⁶ Декабристы. С. 180; Дергачёв А. Ф. Указ. соч. С. 102-105.
- ¹⁷ Восстание декабристов. М. : Наука, 1976. Т. XIV. С. 144-145, 199 прим.
- ¹⁸ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 287.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 26.
- ²¹ Дело Тучкова.
- ²² Восстание декабристов. Т. XVI. С. 58.
- ²³ Восстание декабристов. Т. XIV. С. 144, 348.
- ²⁴ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 97.
- ²⁵ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 26-27.
- ²⁶ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 286-287.
- ²⁷ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 42.

-
- ²⁸ Там же. С. 27.
- ²⁹ Дело Тучкова.
- ³⁰ Письма Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому. Петроград, 1917. С. 39.
- ³¹ Там же. С. 37-38.
- ³² Савин О. М. Пенза литературная. Саратов, 1984. С. 48.
- ³³ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 39.
- ³⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1961. Т. XXII. С. 232.
- ³⁵ Там же. С. 178.
- ³⁶ Там же. С. 142.
- ³⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1103. Л. 87-88.
- ³⁸ Дело Тучкова.
- ³⁹ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 48-49.
- ⁴⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1956. Т VIII. С. 221.
- ⁴¹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1103. Л. 87-88 ; Ф. 196. Оп 1. Д. 1499. Л. 3.
- ⁴² Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3516. Л. 5-5об.
- ⁴³ Там же. Л. 3.
- ⁴⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1961. Т XXIII. С. 35.
- ⁴⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1955. Т IV. С. 122.
- ⁴⁶ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 57.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 61.
- ⁴⁹ Анненков П. В. Парижские письма. М. : Наука, 1984. С. 379.
- ⁵⁰ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 65-66.
- ⁵¹ Там же. С. 64.
- ⁵² Герцен А. И. Собр. соч. Т. Т XXIII. С. 81.
- ⁵³ Там же. С. 83.
- ⁵⁴ Тучкова-Огарёва Н. А. Указ. соч. С. 82.
- ⁵⁵ Дело Тучкова.
- ⁵⁶ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1103. Л. 87об.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 206. Л. 1-3.
- ⁵⁸ См. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 453.
- ⁵⁹ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954. Т. II. С. 268.
- ⁶⁰ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3102. Л. 27.
- ⁶¹ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 453. Л. 81.

⁶² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4337. Л. 219.

⁶³ Пирумова Н. М. Александр Герцен. М. : Мысль, 1989. С. 148,150.

⁶⁴ См. например: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851-1858. М. : Наука, 1976 ; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1864-1867. М. : Наука, 1987.

⁶⁵ Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 148.

Пётр Громницкий

Пётр Фёдорович Громницкий родился 22 ноября 1801 года¹. На следующий день он был крещён в Успенском соборе Керенска, небольшого уездного городка Пензенской губернии. Местом рождения Громницкого следует признать село Дубасово (Архангельское) того же уезда. С 1799 по 1805 год в нём жили родители Громницкого — Фёдор Григорьевич и Екатерина Фёдоровна. В это время у них еще не было своего дома, поэтому они «квартировали» в усадьбе коллежского асессора Андрея Баташева. Здесь у них родились дочери Мария (1799), Варвара (1803), Ольга (1805), воспитанником которых был Андрей Баташев. В свидетельстве об их законном происхождении от Фёдора Григорьевича Громницкого, подписанного священником и местными дворянами, указан коллежский асессор Андрей Родионович Баташов². Но это, скорее всего, ошибка (свидетельство датировано 1829 годом). Знаменитый «железный король», крупнейший российский металлург XVIII века Андрей Родионович Баташев умер в 1799 году³. К тому же он никогда не имел чин коллежского асессора. А вот его сын Андрей Андреевич Баташев такой чин имел и жил он в 1756-1816 годах. По

метрическим книгам села Дубасово (Архангельское) 1799-1801 годов, «за господином Баташевым» числились крепостные крестьяне⁴. Поэтому восприемником сестёр Петра Фёдоровича Громницкого был Андрей Андреевич Баташев.

В 1802 году А. А. Баташев стал единственным наследником своего отца. К нему, по решению суда, перешло все его огромное состояние: «семь железных заводов, дома, мельницы, многотысячные земельные угодья, десятки сел и деревень и более 10 тыс. крестьян и мастеров»⁵.

Под городом Касимовым Рязанский губернии, в Гусь-Железном, действовал основанный Баташевым-старшим чугунолитейный завод. Этот завод хорошо знал отец Громницкого. «В дом свой Рязанского наместничества в городе Касимове», как написано в его аттестате⁶, Фёдор Григорьевич вернулся в марте 1794 года отставным поручиком Белозерского пехотного полка, а уже в мае (награда за беспорочную службу) получил чин капитана⁷. Согласно формулярному списку Ф. Г. Громницкого с 1794 по 1805 год, он находился в отставке. Вероятно, именно в это время Громницкий женился и не ранее 1797 года переехал на жительство в Пензенскую губернию⁸. Впервые в списке её дворян он появляется в 1805 году, становясь земским исправником (начальником местной полиции) Керенского уезда⁹.

Пётр был вторым ребёнком в семье Громницких (первенец — дочь Мария), но первым сыном. Возможно, именно это и определило решение Фёдора Григорьевича крестить Петра в главном соборе уезда. Восприемником будущего декабриста стал титулярный советник Матвей Данилов¹⁰.

Должность исправника Ф. Г. Громницкий занимал шесть лет. В это время его семья жила в Керенске, в здании земского суда. В списке дворян Керенского уезда за 1807 год сказано, что вместе с капитаном Фёдором Григорьевичем Громницким живут его сыновья Пётр и Александр. Петру шесть лет, а Александру два года. Они «находятся при отце», «Петр обучается российской грамоте», а Александр «малолетний»¹¹.

В 1812 году Петр Громницкий — подросток. Ему одиннадцать лет. О войне с Наполеоном, как и другие пензенские обыватели, он узнает с опозданием — в июле, когда в Пензу приходит царский манифест. Тогда же в губернии начинается сбор ополчения. Отец Громницкого выбран уездным дворянством в комиссары для сбора пожертвований на ополчение. В ноябре 1812 года от Керенского уезда собрано 40 руб. 85 копеек¹².

События Отечественной войны, несомненно, обсуждались в семье Громницких. Патриотизм, ненависть к врагу были искренними. Живший в то время в губернии

Ф. Ф. Вигель вспоминал: «Всю осень, по крайней мере, у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Пожертвование жестокое! А вышло на поверку, что по-русски, говорить им легче, что на нашем языке изъясняются они лучше, и что он весьма удобен к употреблению в гостиных. Многие из них, почти все, оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки; поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд сей к ним, очень пристал, и нескоро с ним расстались. Что касается до нас, мужчин, то, во-первых, члены комитета, в коем я находился, яко принадлежавшие некоторым образом к ополчению, получили право, подобно ему, одеться в серые кафтаны и привесит себе саблю; одних эполет им дано не было. Губернатор не мог упустить случая пощеголять новым костюмом; он нарядился, не знаю с чьего дозволения, также в казацкое платье, только темно-зеленого цвета со светло-зеленой выпушкой. Из губернских чиновников и дворян все те, которые желали ему угодить, последовали его примеру»¹³.

Ровесник Петра Громницкого Александр Беляев, тоже будущий декабрист, живший в то время в соседнем Чембарском уезде, писал в своих воспоминаниях: «Известия, приходившие с театра войны, были самые неутешительные. Наконец, Москву заняли французы, и когда показывалось где-нибудь зарево, то народ выбегал на улицу и в мрачном настроении толковал о том, что это французы жгут наши

города и села и что, верно, и здесь придется встречать незваных. Крестьяне приготавливали рогатины. Выкованы были острые копья, которые крестьяне насаживали на древки, а мы, прокатываясь на палочках верхом, были исполнены самого воинственного жара и чаще заглядывали на лезвие сабли и шпаги покойного нашего отца...

Когда французов погнали из России, тогда ходили все смотреть на партии пленных, как прежде на проходившие войска, стягивавшиеся к театру военных действий. Пленных пригоняли во множестве. И что за жалкие, изможденные, оборванные бедняки были эти грозные победители. К чести нашего доброго народа надо сказать, что он принимал их с страданием, кормил их и прикрывал, чем мог, наготу их. Я уже не говорю о благородных семействах, которые теперь оказывали им помощь во всем, но и простой народ, с яростью ожидавший врага, с сожалением смотрел на побежденных, конечно, когда этот враг уже бежал без оглядки»¹⁴.

В 1813 году Громницкие купили в находившейся недалеко от села Дубасово (Архангельского) деревне Артемас землю. Вскоре здесь появилась их усадьба. Она была небольшой. По седьмой ревизии (1816 год) в ней числилось всего 10 дворовых: шесть мужчин и четыре женщины.

Громницкие принадлежали к среднепоместному дворянству. На 1816 год они владели 267 душами крестьян мужского пола¹⁵. Поместья Громницких находились только в

Керенском уезде: в деревнях Артемас, Знаменское (Ключи), Баранчеевка, Новая Дьячёвка, Русский Пимбур, Шуриновка¹⁶. Особенность владений Громницких — собственником всех (за исключением Русского Пимбура) поместий была Екатерина Фёдоровна, мать Петра. Женщина властная и прагматичная, она все держала в своих руках. Не боялась судебных процессов, отстаивая свою собственность. В 1806 году она судилась по Шуриновке, в 1821-1825 годах — по Баранчеевке, в 1836-1841 годах — по Новой Дьячевке, а в 1837-1848 годах — вновь по Шуриновке¹⁷.

После Отечественной войны 1812 года возобновился приём дворян во второй кадетский корпус. Он находился в Санкт-Петербурге. В декабре 1812 года Александр I издал рескрипт на имя петербургского генерал-губернатора С. К. Вязмитинова. В нем говорилось: «Сергей Козмич! С обращением войск противу неприятеля молодые дворяне лишились способов вступать в военную службу прямо в полки квартированные поблизости их мест пребывания. По уважению сего и по надобности в офицерах для армии я повелеваю вам возобновить присылку во второй кадетский корпус из губерний способных к военной службе дворян для научения их порядку службы на том самом основании, как происходило в 1807 году, то есть с выдачей на проезд до Санкт-Петербурга прогонов от казны»¹⁸.

Екатерина Фёдоровна и Фёдор Григорьевич воспользовались рескриптом императора. В 1818 году два их сына, Пётр и Александр, учились во втором кадетском корпусе¹⁹. Он был инженерно-артиллерийским. Петра Громницкого зачислили в корпус 13 июня 1814 года²⁰.

Сохранились воспоминания генерал-майора Н. В. Вохина, учившегося, правда, во втором кадетском корпусе до войны 1812 года. Однако они единственные, позволяющие представить обстановку обучения в нем в начале XIX века. Один из эпизодов, представленных в воспоминаниях, рассказывает о гречневой каше, любимейшем блюде кадет. По словам Вохина, такое отношение к каше было и после его выпуска из корпуса: «Ни за что более не ратовали кадеты, как за эту вожделенную кашу! Случилось однажды, что вместо нее подали нам пироги с гусаками, т. е. с легкими и печенкою. Весь корпус пришел в волнение и нетронутые части пирогов полетели, как бы по условию, со всех сторон в генерал майора В. Ф. М., наблюдателя корпусной экономии. К счастью, пироги были мягки и не так-то допеченые, отчего пирожная мишень осталась неповрежденною. Долго искали зачинщиков детской шалости, но не могли найти, и директор А. А. Клейнмихель сделал за нее всему корпусу строгий выговор. Подобные же пирожные баталии бывали в корпусе прежде и после нас, и гречневая крутая каша оставалась каждый раз победительницею пирогов

с гусаками»²¹. Второй эпизод, связан с выпуском кадет из корпуса. Можно предположить, что эта процедура также мало поменялась и точно так же, как и Вохин, выпускались из корпуса и братья Громницкие: «Ноября 15-го 1807 г. мы кадеты 2-го кадетского корпуса, отэкзаменованные и представленные к производству в офицеры, сидели тихонько или, вернее, дремали после обеда в пустом верхнем классе, куда водили нас в класные часы, чтобы не шалили в ротах. Уже вечерело, как кто-то закричал в полурастворенную дверь из коридора в класс — вышли! Слово это подобно электрической искре потрясло нас. Мы в испуге вскочили со своих мест и с криком вышли, выбежали в коридор, где уже раздавались возгласы: вышли! Вышли! На этот крик выбежали дежурные офицеры и учителя. Узнав причину суматохи, они старались унимать нас, а мы еще громче кричали: вышли! Вышли! Крик этот повторился в классах и кадеты начали выбегать в коридор, — что и вынудило офицеров и учителей оставя нас, бросится в классы, чтобы удержать в порядке не выпускных кадет.

Опомнясь несколько, почти каждый из нас спрашивал: кто первый закричал вышли? Где приказ? Один из товарищей, не упомяну кто, закричав: «приказ у меня!», бросился вниз по лестнице. Мы за ним, толкая и опережая друг друга, как бы боясь, что на последнего не будет распространена высочайшая милость. Выбежав в кадетский двор, мы окружили читавшего

приказ. Целовали священный нам листок и передавали его из рук в руки. Затем плакали от радости, обнимали один другого и поздравляли с офицерством»²².

Пётр Громницкий был выпущен из кадетского корпуса прапорщиком 1 февраля 1819 года с определением в Пензенский пехотный полк²³.

Пензенский пехотный полк был создан в 1811 году на основе Пензенского мушкетёрского полка. Он просуществовал до 1833 года, когда был расформирован и присоединен к Олонецкому пехотному полку²⁴.

В 20-е годы XIX века полк находился в западных губерниях Российской империи, на Украине. Полк входил в состав 8 пехотной дивизии 1 армии. Командовал полком подполковник Павел Савостьянов, дивизией — генерал-майор Пётр Андреевич Засс (сын барона Андрея Петровича Засса, участника войны 1812 года), а 1-ой армией — губернатор взятого в 1814 году союзными войсками Парижа Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен.

О своей службе в полку П. Ф. Громницкий в 1826 году писал так: «В действительную службу вступил я 1819 года в Пензенском пехотном полку, в коем состою и ныне. Но в конце 820 года преимущественно находился я при корпусной или дивизионных квартирах в жалонерной команде и по представлению начальства удостоился от блаженной памяти покойного императора (*Александра I — прим. авт.*) получить

в разные времена высочайшее благоволение, сперва одно, потом другое, третное жалование не в зачет и благодарность по армии господина главнокомандующего графа Сакена. В штрафах по суду не бывал, но за неявку из отпуска на срок был по воле господина корпусного командира арестован с посадением на гауптвахту на 8 дён»²⁵.

Жолонерские команды появились в русской армии в 1819 году. В состав команды входил офицер и по одному жолнеру на батальон и роту. Жолнеры имели на штыках специальный флажок, обозначавший место батальона или роты при построении и линию движения войск на учениях и парадах.

На гауптвахту Пётр Громницкий был посажен, скорее всего, в 1824 году. В его формулярном списке есть запись о «домовом отпуске»: «1824, генваря с 1 на 3 месяца, на срок не прибыл и просрочил 9 месяцев по приключившейся болезни»²⁶.

Таким образом, П. Ф. Громницкий, уехав из Пензенской губернии поступать в Кадетский корпус в 1814 году, был в ней после его окончания только раз — в 1824 году. После ареста и вплоть до своей смерти в Сибири, П. Ф. Громницкий на «малой родине», в Пензенской губернии, не был.

Пётр Громницкий, как Михаил Бестужев-Рюмин, Евгений Оболенский и Фёдор Вадковский, принадлежал к «поздним» декабристам, к тем, что вступили в тайные

общества в двадцатые годы XIX века. Громницкий не участвовал в Отечественной войне 1812 года, как Иван Якушкин и Павел Пестель, не был в заграничных походах, как два Сергея — Трубецкой и Муравьев-Апостол. Но он, как и другие его сверстники, замороженный подвигами старшего поколения, защитившего страну от агрессора и освободившего Европу от Наполеона, хотел быть героем. Чтобы стать им надо было совершить что-то выдающееся. «Это поколение было проникнуто патриотизмом и героическим духом, которые не успело реализовать в войне с Наполеоном. Оно жаждало полезной деятельности и славы, которая досталась их старшим братьям и обошла их самих»²⁷, — указывает современный историк.

Событием, способным принести славу, сопоставимую со славой отцов, с точки зрения Громницкого и других членов общества Соединенных славян, должна была стать независимая федерация восьми славянских племен с общей столицей, единым парламентом и правительством. Идеей ее создания в начале 1824 года (датировка Громницкого) Петра Федоровича увлек его тезка подпоручик Пётр Борисов, основатель общества Соединенных славян. На следствии Громницкий показал: «Убеждения Борисова при принятии меня в общество не были бы, может быть, достаточны, если б он не утверждал их доводами из разных авторов ... Гельвеция, Вольтера, Рейналя и других»²⁸.

Громницкий, особо чувствительный к литературному слову (о чем свидетельствует и воспроизведенный им по памяти во время допроса пушкинский «Кинжал»)²⁹, внял текстам французских мыслителей, хотя в том, что это были они, есть сомнения. П. И. Борисов не имел систематического образования, учился дома у отца и путал философа Плотина с философом Платоном³⁰. Вероятно, повлиял на Громницкого и вошедший в массовое сознание эпохи так называемый «миф о существующем где-то могущественном и всепроникающем тайном обществе»³¹, вершащим историю (чаще всего с ним связывали масонов). «По словам Борисова, — показывал на следствии Пётр Громницкий, — Общество славян действительно имеет много отраслей между народами Славянского племени. Горбачевский говаривал о каком-то графе Магавли, родом из Сербии, с которым он был знаком и который, по словам Горбачевского, отправился в Сербию для водворения и распространения там Общества славян»³².

На самом деле, общество Соединенных славян состояло из 40-50 человек и не имело никаких последователей за границей. «Объединение в целом отличалось большой социальной и возрастной однородностью: 25 человек (из 35, возраст которых может быть установлен) были моложе 25 лет, только один старше 30 (соответственно, только трое из «славян» прошли Отечественную войну или заграничные походы). 30 человек находились в обер-офицерских чинах,

лишь четверо (в чине от штабс-капитана до полковника) командовали ротами. Гвардейское прошлое имели только два человека — М. М. Спиридов и А. И. Тютчев (бывший семёновец). К числу более-менее состоятельных людей относились трое (Спиридов, Тютчев, Шимков; у родителей от 300 до 800 душ); остальные крестьян не имели вовсе или имели от 3 до 50 душ, соответственно, жили только на скудное армейское жалование и нередко из него же помогали родным. 12 человек служили в артиллерии, 22 в пехоте, 10 человек были выпускниками 2-го Кадетского корпуса (или подначального ему Дворянского полка) — учебного заведения, поставлявшего командиров почти исключительно в армию и — лучших и в небольшом количестве — во «второстепенные» гвардейские полки. Несколько человек имели недворянское происхождение; некоторые начинали службу с «низших чинов». Отличительной особенностью объединения было наличие заметного польского элемента»³³.

Вышеприведенная характеристика принадлежит В. М. Боковой, современному исследователю тайных обществ начала XIX века. В отличие от большинства историков, она не относит общество Соединенных славян к декабристским организациям, называя его их «спутником»³⁴.

В контексте приведенной характеристики П. Ф. Громницкий — типичный «славянин». Ему 24 года, он обер-офицер (поручик), выпускник 2-го Кадетского корпуса,

пехотинец, сын небогатых родителей, живет на одно армейское жалование.

Из других возможных причин, повлиявших на вступление в общество Петра Громницкого, свою роль могло сыграть недовольство службой. В показаниях его товарища Николая Лисовского, относящихся к 1825 году, есть эпизод, в котором Громницкий за стаканом пунша «говорит, что начальство не входит в положение офицеров, что никогда младший не будет правым против старшего, как бы старший не был виноват». «Здесь мы начали спорить, — продолжал Лисовский, — и по окончании довольно крупных разговоров он говорит, что есть общество, в котором и я с Тютчевым состою. Я причел его суждения к разгоряченному от напитка воображению, общество же, о котором он упомянул, какому-нибудь пустому масонизму. С насмешкой спросил, в чем заключается его общество, он, заметив сие, рассердясь, вышел, не сказав мне ни слова»³⁵.

Дату вступления П. Ф. Громницкого в тайное общество, указанную им самим («начало 1824 года») следует поставить под сомнение. Согласно формулярному списку, Громницкий весь 1824 год, с 1 января, провел в отпуске. Это позволяет предположить, что в общество Соединенных славян Пётр Громницкий был принят, вероятно, в конце 1823 года и являлся одним из первых его членов. Косвенно об этом

свидетельствует и высокий статус Громницкого в обществе. Он был заместителем его руководителя П. И. Борисова³⁶.

По словам П. Ф. Громницкого, в обществе говорили «о правительстве с самой невыгодной стороны» и старались «не пропускать ни малейшего случая, где бы можно было сказать что-либо дурное или на особу царствующую, или на особ, имеющих влияние в правлении»³⁷. Для второй половины царствования Александра I такие разговоры были обычным делом. Они шли в светских салонах и в военных шатрах. Образованное общество выражало недовольство отсутствием политических прав, злоупотреблением властей, крепостничеством, нарастающим стеснением свободы слова.

Самостоятельной деятельности Соединенные славяне, находившиеся в процессе формирования, развернуть не успели. Летом 1825 года они случайно узнали о существовании Южного общества декабристов и вошли в него. Как указывают исследователи, не всем «славянам» нравились планы «южан», но меньшинство подчинилось большинству³⁸. После вхождения в Южное общество «славяне» разделились на четыре управы. П. Ф. Громницкий, лишенный должности заместителя, оказался в управе, которой руководил недавно переведенный в Пензенский полк майор Михаил Спиридов, участник зарубежных походов русской армии. П. Ф. Громницкий разделял программу и тактику

«южан»: установление республики («Русскую правду» П. И. Пестеля Громницкий знал) и военная революция. Но его временами раздражал М. П. Бестужев-Рюмин, второй руководитель (наряду с С. И. Муравьевым-Апостолом) Васильковской управы Южного общества. Этот молодой человек, бредивший революцией, постоянно стремился пришпорить ход событий, чем вызывал симпатии у многих «славян», но не у Громницкого.

Южное общество планировало использовать Соединенных славян в намечавшемся на 1826 год восстании. Оно задумывалось на юге, в расположении 2-ой армии. Сигналом к нему должен был стать арест императора Александра I и, возможно, его убийство. Для реализации плана М. П. Бестужевым-Рюминым формировался особый отряд. Решением М. М. Спиридова в него включили Петра Громницкого³⁹.

«Громницкого отметил я, — писал на следствии М. М. Спиридов, — ибо когда требовал Бестужев сего назначения, то я не знал кого назначить, и не мог, ибо никто из известных мне на сие не давал согласия, тогда Горбачевский сказал: «Вот Громницкий, за него можно ручаться», — и с сих слов я поставил над ним знак; сам же Громницкий, равно и Тютчев, никогда, что утвердительно могу сказать, мне не объявляли на то согласия, Бестужеву и Горбачевскому или кому другому, не знаю»⁴⁰.

Громницкий узнал о своем включении в отряд от Спиридова⁴¹. Был ли он готов к назначенной роли — сказать трудно. Сам Громницкий во время следствия заявлял, что «никакие силы не заставили бы» его «быть злодеем»⁴². Однако правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков в своем «Алфавите членов тайных обществ» отметил, что Громницкий «клялся на образе в том содействовать»⁴³.

В восстании Черниговского полка (29 декабря 1825 года — 3 января 1826 года) П. Ф. Громницкий участия не принимал, хотя родной брат Петра Борисова Андрей Борисов, отставной подпоручик, такое предложение в последний, как оказалось, день восстания, 3 января 1826 года, ему сделал. Поручик Николай Лисовский: «...в два часа ночи, к Громницкому приехал (который к несчастью моему ночевал у меня) Борисов 1-й, человек, которого я первый раз вижу. Взойдя в комнату, спрашивал Громницкого, и что он имеет к нему секретное дело; тогда Громницкий вышел к нему в другую комнату, и через несколько минут воротились оба. Борисов начинает говорить: «Общество наше открыто правительством чрез донос полковника Габбе»...ругая притом Бестужева, что он его принял»⁴⁴.

А. И. Борисов предложил Громницкому и Лисовскому взбунтовать свои части и выступить «в Новоград-Волынский, где, соединясь с артиллерией, должны вместе следовать на

Житомир, потом на Киев и, наконец, в Бобруйск, где ожидать дальнейших распоряжений»⁴⁵. Пётр Громницкий: «Чей это был план, мне неизвестно. Я возражал сначала, что нельзя действовать столь поспешно, наконец исполнил его желание, обещав решительно действовать»⁴⁶.

Во время следствия Громницкий и Лисовский в один голос утверждали, что данное обещание Борису было ложным и дано было лишь с целью, чтобы он уехал. Иными словами, Громницкий, как и Лисовский, отказался участвовать в восстании Черниговского полка, так как считал его авантюрой. Отчасти это подтвердили «изыскания» военного суда, «по которому в роте» Громницкого «не оказалось никакого беспорядка или вредных внушений»⁴⁷. По плану Южного общества, Пётр Фёдорович готовил Пензенский полк к восстанию летом 1826 года⁴⁸.

Вспоминая восстание Черниговского полка много лет спустя, Иван Горбачевский, член Общества соединенных славян, писал о Громницком и Лисовском: «Он (М. М. Спиридов — прим. авт.) предложил начать восстание, спрашивая предварительно, полагаются ли они на своих солдат, готовы ли роты.

— Нет, — отвечали единогласно Громницкий и Лисовский, — мы не успели приготовить ни одного солдата.

Спиридов дал заметить, что почитает это неисполнением принятых на себя обязанностей, на что Лисовский с жаром вскричал:

— Сергей Муравьев требовал, чтобы мы действовали на солдат медленно; Бестужев-Рюмин говорил мне лично, равно как и всем, что восстание начнется не ранее августа 1826 года; поэтому я действовал сообразно с принятыми на себя обязанностями; клянусь всем, что для меня свято, что к назначенному времени вся рота пойдет за мною в огонь и в воду.

Громницкий оправдывал свое поведение тем же условием медленно действовать и, кроме того, сказал:

— Нам предлагает начать бунт простой член общества, Борисов 2-й, приглашение сие привез его брат, но мы не имеем никакого уведомления ни от С. Муравьева, ни от Бестужева, которым мы дали слово содействовать. Я не обязывался сломать себе шею для каждого: пускай приедет сам Муравьев, или пускай покажут мне приглашение к восстанию, написанное его рукою, — я тотчас взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовлением солдат»⁴⁹.

Нет никаких сомнений, что в воспоминаниях И. И. Горбачевского нашли отражения «мемории» и самого П. Ф. Громницкого. Они вместе находились на каторге.

На следствии по делу декабристов фамилия Громницкого впервые прозвучала 21 января 1826 года в показаниях П. И. Борисова и С. И. Муравьева-Апостола⁵⁰. Через две недели, 9 февраля 1826 года, Пётр Фёдорович Громницкий был доставлен в Петербург и посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости⁵¹.

На допросах П. Ф. Громницкий вел себя откровенно. Он не скрывал свою принадлежность к организации декабристов, давал признательные показания, называл фамилии тех, кто входил в тайное общество.

По результатам следствия Громницкий был обвинен в умысле на царевубийство и в словесном возбуждении к мятежу⁵². Суд приговорил его к лишению чинов и дворянства и двадцати годам каторги, сокращенной в августе 1826 года до пятнадцати лет. Одновременно с ним по второму разряду были осуждены Иван Анненков, Михаил Лунин, Николай Бестужев — декабристы, с которыми Пётр Громницкий очень близко сойдется в Сибири.

Единственный портрет П. Ф. Громницкого — акварель Н. А. Бестужева. Она написана в 1836 году в Петровском заводе, где они оба отбывали срок заключения⁵³. Этот портрет — из общей серии бестужевских декабристских портретов. На нем изображен Громницкий в возрасте тридцати пяти лет. Портрет можно дополнить словесным описанием облика Петра Фёдоровича, сохранившимся в бумагах Следственного

комитета. Он таков: «рост 2 аршина 5 2/8 вершков» — это где-то около 1 метра 53 сантиметров. «Лицо белое, круглое, на правой щеке три, а на левой одна, небольшие природные бородавки». «Глаза светлокарие, нос небольшой, туповат, волосы на голове и бровях темно-русые»⁵⁴.

В Петровский завод, где была построена тюрьма для декабристов, небольшое село при казенном железоделательном заводе в Нерчинском округе, ныне город Петровск-Забайкальский Читинской области, Громницкий прибыл вместе с остальными восьмьюдесятью декабристами в сентябре 1830 года. До этого с октября 1826 по апрель 1828 год он мыкался по тюрьмам северо-запада России (Свеаборг, Свартгольм, Кексгольм) и сидел, как и другие сосланные декабристы, в Читинском остроге (июль 1828 — август 1830)⁵⁵.

В Кексгольмской крепости, в так называемой Пугачёвской башне, Громницкий находился с товарищами по Южному обществу Горбачевским и Спиридовым. В Свеаборге соседями П. Ф. Громницкого были декабристы М. С. Лунин и И. В. Киреев, В. С. Норев и П. А. Муханов⁵⁶. Описание камеры Свартгольмской крепости сохранил Г. С. Батеньков: «Здесь взор потухший лишь находит // Пространство в несколько шагов // С железом ржавым на дверях, // Соломы сгнивший пук обшитый, // И на увлажненных стенах // Следы страданий позабытых...»⁵⁷

К свеаборгскому периоду заключения Громницкого относится передача его личных бумаг отцу. Что это были за бумаги, неизвестно. За подписью военного министра они пришли в Пензу 21 марта 1827 года⁵⁸, а в апреле их доставили Фёдору Григорьевичу.

В 1829 году Ф. Г. Громницкий подает прошение о внесении себя с детьми в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии⁵⁹. В списке детей он не указывает Петра. Это понятно. Пётр — государственный преступник, лишен дворянства. Включать его в список на внесение — пустое дело. Но в этом факте — нравы эпохи и трагедия семьи. Кстати, в воспоминаниях декабристов не осталось свидетельств получения каких-либо посылок П. Ф. Громницким от родных, в то время как денежные пособия из III Отделения — политической полиции — мать декабриста получала⁶⁰.

Род Громницких (без Петра Фёдоровича) был внесен во вторую часть (военное дворянство) дворянской родословной книги Пензенской губернии в 1830 году⁶¹.

В апреле 1828 года П. Ф. Громницкого отправили в Сибирь. В июне он прибыл в Иркутск и с июля 1828 года был в Читинском остроге. Переход из Читы в Петровский завод (август 1830) занял у декабристов 48 дней. Они прошли пешком 700 верст. Декабристы были разделены по пятёркам — «по числу людей, могущих вместиться в юрте»⁶².

Пётр Громницкий был в пятёрке с братьями Михаилом и Николаем Бестужевыми, Константином Торсоном и Александром Розеном.

Историк царской тюрьмы М. Н. Гернет, обобщив воспоминания декабристов, так описывал их петровские казематы: «Вновь выстроенное для декабристов здание тюрьмы стояло на высоком кирпичном фундаменте под красной крышей и не имело окон наружу. По плану оно напоминало букву «П». Расположено оно было между гор, в котловине, на сыром месте. По главному фасаду находилась кордэргардия с бойницами в виде узких щелей, откуда можно было обстреливать оба боковых здания тюрьмы перекрестным огнем в случае побега арестантов. С трех сторон участок ограждали глухие стены тюрьмы, а с четвертой — высокий бревенчатый частокол. На внутреннем дворе тюрьмы помещались кухня, кладовая и другие здания. Двор тюрьмы был разделен на восемь отдельных двориков, огороженных один от другого высокими стенами. Само здание тюрьмы разбито было на 12 отделений по 5 камер в каждом, кроме угловых, где было 6 камер. Всего в тюрьме было 64 одиночных камеры. Размер каждой камеры 6 x 7 аршин (4,2 x 4,9 м — прим. авт.). Камеры не имели наружных окон и очень слабо освещались через оконце над входной дверью в камеру. Эта дверь выходила в светлый коридор с окнами на двор острога. Из каждого отделения особая дверь вела на тюремный дворик.

/.../ Топка печей производилась из коридора; на каждые две камеры приходилось по одной печи. Через полгода последовало разрешение пробить в камерах окна, но их пробили слишком высоко под потолком, заделали решетками, а потому и при таких окнах света было недостаточно. Декабристы были размещены по камерам в одиночку, но впоследствии жили и по двое»⁶³.

Принудительных работ на Петровском заводе для декабристов «почти не было»⁶⁴. Летом они прокладывали дороги, а зимой мололи зерно на ручных мельницах. Да и камеры (смотрите акварели Бестужева) очень сильно отличались от обычных тюремных казематов. Поэтому много времени декабристы посвящали самообразованию. Читали друг другу курсы истории и литературы, химии и физики, военной стратегии и тактики, анатомии и математики. Изучали иностранные языки. Осваивали различные ремесла.

Дмитрий Завалишин вспоминал: «Образованные люди, стремившиеся к преобразованию государства, сознавая, что труд есть исключительное основание благосостояния массы, обязаны были личным примером доказать свое уважение к труду и изучать ремесла не для того только, чтобы иметь себе, как говорится, обеспечение на случай превратности судьбы, но еще более для того, чтобы возвысить в глазах народа значение труда и облагородить его, доказать, что он не только легко совмещается с высшим образованием, но что еще

одно в другом может находить поддержку и почерпать силу»⁶⁵.

В Петровском заводе декабристы возобновили начатое в Читинском остроге столярное производство. Они делали книжные шкафы, столы, кресла, комоды. Одним из лучших столяров был Пётр Громницкий⁶⁶. Декабрист Михаил Бестужев называет его учеником брата Николая «по всем возможным мастерствам»⁶⁷. Он же пишет, что Пётр Громницкий помогал им делать кольца из кандалов после их снятия⁶⁸.

О своей жизни в тюрьме Пётр Громницкий писал отцу. С сентября 1828 по октябрь 1833 год таких писем было двадцать. Они не сохранились. Так как декабристам запрещалось писать письма самим, за них это делали жены декабристов, бывшие в Сибири⁶⁹. Письма Громницкого с его слов писала родным Наталья Дмитриевна Фонвизина, супруга Михаила Александровича Фонвизина, участника первых декабристских организаций Союз Спасения и Союз Благоденствия. После смерти отца П. Ф. Громницкий писал письма матери.

Находясь в заключении и общаясь с участниками тайных обществ, Пётр Громницкий узнал много нового о декабристском движении, так как будучи рядовым членом Южного общества, вряд ли представлял масштаб действовавших тайных организаций. К тому же, близкие

друзья П. Ф. Громницкого братья Бестужевы являлись активными участниками восстания на Сенатской площади⁷⁰.

Особенно близко в Петровском заводе Пётр Фёдорович Громницкий сошелся с Михаилом Сергеевичем Луниным, одним из основателей первых декабристских организаций, легендарной личностью своего времени. Лунин поддерживал его материально и нашел в нем верного, но не всегда стойкого помощника. Из письма М. С. Лунина С. Г. Волконскому (1842): «Негодяй (Громницкий — прим. авт.) проболтался. Если представится случай, скажите ему, что я им недоволен. В то же время пошлите ему прилагаемые 25 рублей — от вашего имени, — ибо он наверняка без копейки»⁷¹.

В декабре 1835 года, отсидев десять лет, Пётр Громницкий вышел на поселение (в 1832 году срок заключения был сокращен ему до 10 лет). Он жил в селе Бельское Иркутской губернии. Его комната, со слов современника, была «убогой в полном смысле этого слова»⁷². Недалеко от него, в селе Урик, поселился М. С. Лунин.

Вместе с П. Ф. Громницким в Бельском жил И. А. Анненков. В воспоминаниях его дочери Ольги Ивановой содержится предписание Черемховскому волостному правлению касательно Громницкого (такое же было выдано и по Анненкову): «...Вследствие чего предписываю волостному правлению: а) коль скоро доставлен будет вышеозначенный

преступник Петр Громницкий господином заседателем Савинским, с коим я его отправил, немедленно принять в ведение свое, водворить в Бельскую слободу, предоставляя местному сельскому начальству при снабжении оного полными упомянутыми о государственных преступниках правилами, иметь за ним строгий надзор, чтобы он ни с кем, а особливо с людьми подозрительными и развратными, никаких связей не имел; б) к сему внушить ему, чтобы он прилагал старание о устройении своего хозяйства, быту поселян соответствующего /.../ из места жительства своего выезд ему, кроме земледельческих занятий в дачах того селения, где он водворен, ни под каким видом не дозволить, а в случае надобности ему в устройстве чего-либо по домообзаведению доносить мне о том предварительно, для равномерного донесения господину начальнику губернии на разрешение; в) воспретить строго сему государственному преступнику иметь при себе всякого рода огнестрельное оружие; /.../ е) стеснений никаких сему преступнику не делать и сего никому не дозволять, а в случае надобности оказывать ему должное вспомошествование»⁷³.

Однако вернемся к Лунину. Михаил Лунин был единственным декабристом, кто после выхода из тюрьмы решил бороться с Николаем I и, прежде всего, рассказать правду о декабристском движении. С этой целью он написал ряд сочинений, предназначенных к распространению в

России. Громницкий стал их переписчиком, «домашним секретарём» Лунина⁷⁴.

Несомненно, Пётр Фёдорович осознавал всю опасность предприятия. Сочинения содержали нелюбезную характеристику николаевского царствования и могли привести к новому тюремному сроку.

Вот лишь несколько цитат из работ М. С. Лунина, переписанных П. Ф. Громницким.

«Письма из Сибири»:

«Заключенный в казематах, десять лет не преставал я размышлять о выгодах родины. Думы мои всегда клонились к пользам тех, которые не познали моих намерений. В ссылке, как скоро переменились обстоятельства, я опять начал действия наступательные. Многие из писем моих переданы чрез императорскую канцелярию, уже читаются».

«Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении. Целая фраза возле моего имени. В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции. В самом деле таков мой политический характер. Я не участвовал ни в мятежах, свойственной толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Единственное оружие мое — мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным, смотря по тому, как находит она созвучия, ей отвечающие. Последнего не надо пугаться. Оппозиция есть стихия всякого политического устройства».

«Рабство, несовместимое с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий, по мере того как народы успевают на поприще гражданственности /.../ Освобождение крестьян не представляет затруднений и опасностей, которые робкие или корыстолюбивые умы усиливаются выставлять»⁷⁵.

«Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года»:

«Тайное общество принадлежит истории /.../ Действуя умственной силою на совокупность народную, оно успело направить мысли, чувства и даже страсти к цели коренного преобразования правительства. Существенные вопросы конституционного порядка были установлены и так объяснены, что решение их в будущности более или менее отдаленной стало неизбежно /.../ Власть, на все державшая, всего страшится. Общее движение ее не что иное, как постепенное отступление под прикрытием корпуса жандармов пред духом Тайного общества, который охватывает ее со всех сторон. Отделались от людей, но не отделаться от их идей»⁷⁶.

Сложно сказать, разделял ли Громницкий эти и другие мысли Лунина, выраженные им в его сочинениях, или просто был добросовестным копиистом и распространителем. В своих показаниях по делу Лунина (1841) — его арест санкционировал сам Николай I, прочитавший сочинения

декабриста, — Громницкий, как и в 1825 году, был предельно откровенен (за что и удостоился от Лунина приведенного выше прозвища «Негодяй») и нигде не высказал своего личного отношения к содержанию переписанного. Возможно, такая откровенность выручила Громницкого. После восьмимесячного одиночного заключения в Иркутске он вернулся в Бельское под надзор полиции⁷⁷. Лунин же поплатился за свои сочинения жизнью. Декабрист был заключен в Акатуевский тюремный замок при Нерчинских горных заводах и в декабре 1845 года умер. По некоторым сведениям, Лунин по приказу из Петербурга был убит⁷⁸.

Пётр Громницкий пережил Михаила Лунина на шесть лет. Он умер от чахотки 31 мая 1851 года в селе Усолье, в госпитале Иркутского солеваренного завода⁷⁹. За два года до смерти (в 1849 году) к Петру Громницкому в Черемхово, где он жил, приезжал Иван Якушкин. Он гостил у него несколько часов. Громницкий просил Якушкина поблагодарить Якова Казимирского, своего одноклассника по кадетскому корпусу, служившего плац-майором в Петровском заводе, за то, «что отыскивал старого однокашника»⁸⁰. Возможно, Казимирский чуть раньше встречался с Громницким и, вероятно, оказал ему какую-то услугу.

Во второй половине XIX века род Громницких пресёкся. Последним его представителем была Варвара Фёдоровна Громницкая, родная сестра декабриста. Свой век она

доживала в Русском Пимбуре, владея тремя душами крепостных крестьян — братьями Афанасием и Лукьяном Васильевыми (37 и 55 лет) и их сестрой Пелагеей (46 лет)⁸¹.

Могила декабриста не сохранилась.

¹ Метрическая запись о рождении П. Ф. Громницкого: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп. 3. Д. 42. Л. 44. Обнаружение метрики Громницкого ставит точку в спорах о дате его рождения, по-разному указываемой в работе А.Ф. Дергачёва (1801 год, но без числа и даты) и в биографическом справочнике «Декабристы» (1803 год). См.: Дергачёв А. Ф. Декабристы-пензенцы. Пенза, 1976. С. 86; Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 59.

² ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 545. Л. 4.

³ О Баташевых см.: Кусова И. Г. А. Р. Баташев и его потомки на Рязанской земле// Приокская глубинка. 2008. № 1. С. 3-17.

⁴ ГАПО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 42. Л. 335-338.

⁵ Кусова И. Г. Указ. соч. С. 8.

⁶ ГАПО. Ф. р. 2402. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 2об-3.

⁸ В списках дворян Керенского уезда за 1797 года Ф. Г. Громницкий не значится. См.: ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 201.

⁹ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 2об-3.

¹⁰ Там же. Ф. 182. Оп. 3. Д. 42. Л. 44.

¹¹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 194. Л. 3об-4.

¹² «Зовёт к Отечеству любовь...». Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года. Пенза, 2011. С. 143-144.

¹³ Там же. С. 111-112.

¹⁴ Там же. С. 115.

¹⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л. 9.

¹⁶ Там же. Ф. 60. Оп. 4. Д. 189. Л. 720, 724, 729, 734, 745.

¹⁷ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 63, 277, 418, 426.

¹⁸ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 392. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 545. Л. 2об-3.

-
- ²⁰ Восстание декабристов. М. : Наука, 1975. Т. XIII. С. 130.
- ²¹ Вохин Н. В. Записки. Во втором кадетском корпусе, 1801-1807 // Русская старина. 1891. № 3. С. 549.
- ²² Там же. С. 547-548.
- ²³ Восстание декабристов. С. 130.
- ²⁴ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801-1855. М. : АСТ, 1996. С. 234.
- ²⁵ Восстание декабристов. С. 153-154.
- ²⁶ Там же. С. 131.
- ²⁷ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М. : Реалии-Пресс, 2003. С. 417.
- ²⁸ Восстание декабристов. М., 1975. Т. XIII. С. 135, 153.
- ²⁹ Там же. С. 299-302.
- ³⁰ Бокова В. М. Указ. соч. С. 222.
- ³¹ Там же. С. 418.
- ³² Восстание декабристов. С. 136.
- ³³ Бокова В. М. Указ. соч. С. 500-501.
- ³⁴ Там же. С. 497.
- ³⁵ Там же. С. 363.
- ³⁶ Восстание декабристов. С. 136.
- ³⁷ Там же. С. 136.
- ³⁸ Бокова В. М. Указ. соч. С. 503.
- ³⁹ Восстание декабристов. С. 152, 156.
- ⁴⁰ Там же. С. 149.
- ⁴¹ Там же. С. 148. См. также: Горбачевский И. И. Записки и письма. М., 1963. С. 31.
- ⁴² Там же. С. 145.
- ⁴³ Декабристы. С. 251.
- ⁴⁴ Там же. С. 365.
- ⁴⁵ Там же. С. 139.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 159.
- ⁴⁸ Там же. С. 140; Горбачевский И. И. Записки и письма. С. 16.
- ⁴⁹ Горбачевский И. И. Записки и письма. С. 49-50.
- ⁵⁰ Там же. С. 432.
- ⁵¹ Декабристы. Биографический справочник. С. 60.
- ⁵² Восстание декабристов. С. 158-159.

-
- ⁵³ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 300.
- ⁵⁴ Декабристы. Биографический справочник. М. : Наука, 1988. С. 60.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 2. С. 171.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л. 30.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 196. Оп. 3. Д. 22. Л. 19.
- ⁶⁰ Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 500.
- ⁶¹ Там же. Л. 10.
- ⁶² Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951. С. 325.
- ⁶³ Там же. С. 184.
- ⁶⁴ Там же. С. 187.
- ⁶⁵ Завалишин Д. Воспоминания. М. : Захаров, 2003. С. 347.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Воспоминания Бестужевых. С. 167.
- ⁶⁸ Там же. С. 247.
- ⁶⁹ Дергачёв А. Ф. Декабристы-пензенцы. Пенза, 1976. С. 98.
- ⁷⁰ О роли братьев Бестужевых см.: Гордин Я. Мятеж реформаторов. Л., 1989.
- ⁷¹ Лунин М. С. Указ. соч. С. 263-264.
- ⁷² Там же. С. 319.
- ⁷³ Воспоминания Полины Анненковой с приложением воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой. Красноярск, 1977. С. 215.
- ⁷⁴ Лунин М. С. Указ. соч. С. 307.
- ⁷⁵ Там же. С. 81-82, 102.
- ⁷⁶ Там же. С. 116, 121.
- ⁷⁷ Там же. С. 336; Пущин И. И. Сочинения и письма. М. : Наука, 1999. Т. 1. С. 228, 233.
- ⁷⁸ Лунин М. С. Указ. соч. С. 533-536.
- ⁷⁹ Декабристы. Биографический справочник. С. 60.
- ⁸⁰ Пущин И. И. Сочинения и письма. С. 419.
- ⁸¹ ГАПО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 333. Л. 885об-884.

Спустя сто лет

Столетний юбилей восстания декабристов, выпавший на восьмой год Октябрьской революции, положившей начало Советскому государству, вызвал всплеск интереса к декабристскому движению как прямому идейному предшественнику большевиков. В Советском Союзе были выпущены посвященные декабристам замечательные работы С. Я. Гессена¹, Е. Е. Якушкина², Б. А. Модзалевского³. Было начато издание многотомной, продолжающейся и по сей день, серии документов «Восстание декабристов».

В Пензенской губернии застрельщиком темы стал журналист и краевед Пётр Осипович Никишин. Он первый составил список декабристов, связанных с Пензенским краем, ориентируясь на официальные документы 1826 года. В списке значились братья Беляевы, Веденяпины, Громницкий, Жемчужников, Горсткин. Позднее Никишин включил в список И. А. Анненкова⁴. В статье «Декабризм и Пензенская губерния» Никишин признавал, что сведений о пензенских декабристах крайне мало. «В селе Скачки Пензенского уезда, — писал он, — местным областным музеем у внука Анненкова, Алексея Владимировича Анненкова, приобретен портрет декабриста, вывешенный в местном музее (отдел

революционных движений). Чего-либо нового внук декабриста о своем дедушке сообщить не мог, очевидно, память декабриста в семье Анненковых особым вниманием и почетом не пользовалась»⁵. Никишин утверждал, что идеи декабризма были «довольно распространены» в Пензенской губернии, ссылаясь при этом на найденные в крае клады испанских монет: «Отношение этих монет к декабризму таково, что конституция кортесов частично фигурировала и в конституции декабристов». Это был фантастический вывод с фантастической аргументацией. Пётр Никишин положил начало историографии декабристов в пензенском краеведении.

До окончания Великой Отечественной войны других статей о земляках декабристах в местной печати не было. В 1946 году в областной газете «Сталинское знамя» появилась статья Алексея Дорогова «Декабристы в Пензенском крае»⁶. В список декабристов-пензяков автор включил братьев Беляевых, Анненкова, Тучкова и Горсткина. «Они по-разному участвовали в декабристском движении, — писал он, — и судьбы их различны. Все они не играли крупных ролей, но это были яркие, талантливые личности». Ссылаясь на Ленина, автор называл декабристов «первыми революционерами», а цитируя Герцена, «лучшими людьми своего времени».

Три статьи о декабристах-пензяках были напечатаны в «Пензенской правде» в 1955-1966 годах⁷. Краевед Юлия Суворова причислила к декабристам-землякам братьев Александра и Петра Беляевых, Горсткина, Анненкова, Тучкова и братьев Веденяпиных. Сергей Ключеров считал уроженцами Пензенского края братьев Аполлона и Алексея Веденяпиных, Булатова, Громницкого, Жемчужникова и почему-то Николая Панова. «Это были героические люди, — писал автор, — они знали, что если их постигнет неудача, царь их не простит». Краевед Александр Тюстин называл декабристами-пензяками братьев Беляевых, Горсткина, Тучкова и Аполлона Веденяпина.

Вышедшая в 1976 году книга Алексея Филипповича Дергачёва «Декабристы-пензенцы» создала канонический список земляков декабристов (о нём говорилось в первой главе). Дальнейшие публикации в местной печати лишь тасовали названные фамилии из списка в конфигурациях, удобных авторам. Исключением, пожалуй, стала статья Владимира Александровича Захарова, тогда главного хранителя объединения музеев Пензенской области, ныне известного лермонтоведа, напечатанная в «Пензенской правде» в январе 1977 года. «Недавно на полках книжных магазинов, — писал автор, — появилась книга А. Ф. Дергачёва «Декабристы-пензенцы». Но в столь интересной, насыщенной богатейшим материалом работе отсутствует имя

декабриста-пензенца Михаила Николаевича Новикова»⁸. Захаров подробно излагал биографию декабриста, говорил о нём как об одном из основателей Союза Спасения, человеке, принявшем в организацию Павла Пестеля — будущего лидера декабристов Южного общества. В 2001 году к личности Михаила Николаевича Новикова обратился пензенский историк Геннадий Винокуров. Он отметил, что «ни архива Михаила Новикова, в котором содержалось немало ценных документов, характеризующих эпоху, ни даже портрет его не сохранились»⁹.

Михаил Новиков был племянником известного просветителя времен Екатерины II Николая Ивановича Новикова, издателя сатирических журналов «Трутень» и «Живописец». Детские годы Новиков провел в Пензе¹⁰, сюда же возвратился в 1803 году, став городничим, а затем полицмейстером Пензы. Имение Новикова находилось в 36 верстах от Мокшана в селе Архангельское (Липовка). Перед Отечественной войной Михаил Николаевич был уездным предводителем Мокшанского дворянства. На дворянских выборах 1807 года он на два голоса опередил действующего предводителя Семёна Ивановича Каменского¹¹.

В годы войны М. Н. Новиков был эскадронным начальником Пензенского ополчения и подавлял восстание пензенских ратников. Принимал участие в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов, воевал под

Дрездене, Гамбургом и Магдебургом. После войны стал правителем канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина.

Михаил Новиков был масоном, членом ложи «Избранного Михаила», основателем и управляющим полтавской ложи «Любовь к истине»¹². Участником ложи «Избранного Михаила» был Пестель. Здесь Павел Иванович познакомился с Новиковым и весной 1816 года был принят им в Союз Спасения¹³.

Михаил Николаевич Новиков (1777-1824) входил в состав Коренной управы Союза Благоденствия¹⁴ — главного органа управления организации. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол вспоминал: «Директор канцелярии К. Репнина Новиков, был принят так же в общество в Москве, а в Полтаве составил он ложу, которая служила разсадником тайного общества. Он в оную принимал дворянство Малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество, называемое Союз Благоденствия»¹⁵. Правитель дел Следственного комитета А.Д. Боровков писал: «Он был в числе первых, подавших мысль о заведении в России тайного общества и основавших оное. Матвей Муравьев-Апостол показал, что Новиков учредил в Полтаве масонскую ложу, которая служила рассадником для тайного общества, в нее принимал он малороссийских дворян и способнейших из них вводил в Союз благоденствия. Пестель присовокупил, что первую мысль о

республиканском правлении подал проект конституции Новикова»¹⁶. От неотвратимого суда, вследствие прозвучавших показаний, Михаила Новикова спасла смерть. Он умер за год до восстания декабристов.

В 1828 году по прошению вдовы Новикова Евлампии Ивановны дети декабриста и она сама были внесены в третью часть Дворянской родословной книги Пензенской губернии¹⁷.

Чуть ранее, в 1820 году, Новиков внёс себя и детей в третью часть Дворянской родословной книги Полтавской губернии, но «дело о дворянстве его не было представлено на ревизию Правительствующего Сената»¹⁸.

Еще одним «забытым» в книге А. Ф. Дергачёва декабристом-пензяком оказался Фёдор Иванович Левин. Впервые статус декабриста дали ему Б. Н. Равдин и А. Б. Рогинский¹⁹. На их исследование опирался в вышеназванной статье Владимир Захаров, утверждая, что Новиков и Левин планировали открыть управу Союза Благоденствия в Пензенской губернии²⁰. Спустя двадцать лет к такому же выводу пришел и московский исследователь Я. В. Леонтьев. Он назвал Левина агентом влияния Союза Благоденствия²¹.

Пензенский помещик Левин (1778 — не позднее 1859)²² был отставным штабс-ротмистром. В годы Отечественной войны командовал эскадроном конного полка

пензенского ополчения. После ее окончания практически безвыездно проживал в имении Левино (Архангельское) Мокшанского уезда. Оно располагалось недалеко от поместья Новикова. Фёдор Иванович Левин был помещиком средней руки. Кроме Пензенской губернии, у него имелись крепостные в Мценском уезде Орловской губернии. Весной 1818 года Левин внёс себя и своих детей в Дворянскую родословную книгу Пензенской губернии²³. На следствии членом Союза Благоденствия Фёдора Левина назвал Сергей Иванович Трубецкой, только почему-то он считал Левина тамбовским помещиком²⁴. Над Фёдором Ивановичем был учрежден тайный полицейский надзор, снятый в июне 1826 года²⁵. «Высочайше повелено оставить без внимания», — резюмировал Боровков²⁶. Прапрадед советского писателя Тихона Захаровича Сёмушкина, автора получившего мировую известность романа «Алитет уходит в горы», Семён, от чьего имени и возникла фамилия Сёмушкин, был крепостным декабриста, в чьи владения входило село Старая Кутля²⁷. После смерти Фёдора Ивановича владельцем поместий стал сын декабриста генерал-лейтенант Лев Фёдорович Левин, командир Кавказской гренадерской бригады²⁸.

Последняя публикация о декабристах-пензяках относится к 2005 году. Ее автор — журналист газеты «Молодой ленинец» Владимир Вержбовский. Статья о декабристе Иване Анненкове глубоко символична. Она

называется «Декабрист-антигерой». Статья показывает тот путь, если считать прессу отражением общественного мнения, что прошли декабристы в массовом сознании на пензенской (да и не только) земле: от лучших людей своего времени до общественных отбросов. Анненков изображен гомосексуалистом, ловеласом, трусом, подхалимом, циничным любителем наживы²⁹. Автор пишет, что развеял «миф о мужественном герое, стоявшем на Сенатской площади под пулями и картечью царских войск», а декабристов, отбывавших срок в Сибири, он называл картежниками, пьяницами и распутниками. В таком же ключе — и массовые издания федерального уровня: книги Алексея Щербакова «Декабристы. Беспредел по-русски» и Николая Старикова «Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов»³⁰.

Приятным исключением являются работы Оксаны Киянской, в том числе и последняя «Декабристы», вышедшая накануне 190-летнего юбилея восстания. Взвешенный подход, основанный на хорошем знании историографии и источников, прекрасный слог делают книги исследователя увлекательно-полезным чтением для всех, кто интересуется историей декабристского движения. Киянская совершенно справедливо говорит о необходимости новых научных, а не спекулятивных подходов к изучению декабризма, но пока, к

сожалению, такие подходы не воплощаются в массовых изданиях³¹.

В негативной оценке декабристов нет ничего необычного. Царский Манифест от 20 декабря 1825 года — первое слово императора Николая I — назвал декабристов «заразой», принесенной с Запада, и заверял подданных, что суд и приговор проведут «навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовью к Отечеству и страстью к безначалию, между желанием лучшего и бешенством превращения». Только вот читавший Манифест современник, к тому же лично знавший декабристов Василий Григорьевич Яшин, дед пензенского помещика Александра Александровича Яшина, передавшего коллекцию документов деда по декабристскому движению в Пензенскую ученную архивную комиссию, сомневался в истинности этих царских слов. Об этом красноречиво говорят его карандашные заметки на полях Манифеста и оставленные там знаки вопроса³². Сильные мира сего, как известно, очень часто переписывают историю под себя, а для Николая I декабристы, очень сильно напугавшие царя в день восшествия на престол, были главными врагами. Хотя, имея за плечами трагический опыт XX века, отношение к ним с его стороны выглядит почти вегетарианским.

Итак, кто они — декабристы-пензяки?

Вот их ряд: Михаил Николаевич Новиков (Союз Спасения и Союз Благоденствия), Фёдор Иванович Левин (Союз Благоденствия), Иван Николаевич Горсткин (Союз Благоденствия, Практический союз), Алексей Алексеевич Тучков (Союз Благоденствия), Пётр Фёдорович Громницкий (общество Соединенных славян, Южное общество).

¹ Гессен С. Я. Декабристы перед судом истории. Л., 1926; Гессен С. Я., Коган М. С. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926.

² Якушкин Е. Е. Декабристы на поселении. М., 1926.

³ Модзалевский Б. Л. Декабристы. М., 1925.

⁴ Никишин П. Новое о декабристах Пензенской губернии // Под знаменем ленинизма. Пенза, 1926. № 5. С. 18-21.

⁵ Никишин Пётр. Декабризм и Пензенская губерния // Трудовая правда. Пенза. 1926. № 11. С. 3.

⁶ Дорогов А. Декабристы в Пензенском крае // Сталинское знамя. Пенза. 1946. 23 января. С.3.

⁷ Суворова Ю. Декабристы-пензенцы // Сталинское знамя. Пенза, 1955. 25 декабря; Ключерев С. Декабристы Пензенского края // Пензенская правда. 1959. 15 декабря; Тюстин А. Декабристы-пензенцы // Пензенская правда. 1966. 7 января.

⁸ Захаров В. Декабрист Михаил Новиков // Пензенская правда. 1977. 6 января. С. 4.

⁹ Винокуров Г. Декабрист Михаил Новиков // Новая газета – Мир людей. Пенза, 2001. 26 декабря. С. 14.

¹⁰ Захаров В. А. Указ. соч.

¹¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Рп. 1. Д. 320. Л. 55об, 94.

¹² Декабристы. Биографический справочник. М. : Наука. 1988. С. 129.

¹³ Карташев Б., Муравьев Вл. Пестель. М., 1958. С. 88-89, 328.

-
- ¹⁴ Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве (1816-1825 гг.) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 31.
- ¹⁵ Восстание декабристов. М., 1950. Т. IX. С. 189.
- ¹⁶ Декабристы. С. 293.
- ¹⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2083. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 57.
- ¹⁹ См.: Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5.
- ²⁰ Захаров В. Указ. соч.
- ²¹ Леонтьев Я. В. «Декабристы без декабря» в Пензенской губернии (к постановке вопроса) // Российская провинция XVIII-XX веков. Материалы Всероссийской конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 104.
- ²² ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. д. 1649. Л. 24об; 429.
- ²³ Декабристы. С. 99; ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1649. Л. 24об-25, 30-33.
- ²⁴ Восстание декабристов. М. : Наука, 1986. Т. XVI. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 219.
- ²⁶ Декабристы. С. 275.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1649. Л. 25, 429; Ф. 60. Оп. 4. Д. 257. Л. 136об-137.
- ²⁸ ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1649. Л. 429.
- ²⁹ Вержбовский В. Декабрист-антигерой // Молодой ленинец. Пенза. 2005. 29 ноября. С. 12.
- ³⁰ Щербаков А. Е. Декабристы. Беспредел по-русски. М. : ОЛМА, 2010. Стариков Н. Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов. СПб. : Питер. 2010.
- ³¹ Киянская О. И. Декабристы. М. : Молодая гвардия, 2015. С. 13.
- ³² Мурашов Д. Ю. Дворянин В. Г. Яшин и его коллекция (к постановке вопроса) // Поволжский край. Саратов, 2011. Вып. 11. С. 218-219.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. Мятеж на Сенатской</i>	5
<i>Глава вторая. Иван Горсткин</i>	21
<i>Глава третья. Алексей Тучков</i>	52
<i>Глава четвёртая. Пётр Громницкий</i>	79
<i>Глава пятая. Сто лет спустя</i>	112

Декабристы-пензяки

Спорно о бесспорном

Автор

Дмитрий Мурашов

кандидат исторических наук

Корректор, компьютерная вёрстка, дизайн
Инна Харчева

Отпечатано в копировально-множительном центре
ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова»
г. Пенза, пр. Строителей, 168а
<http://liblermont.ru>
ob@liblermont.ru

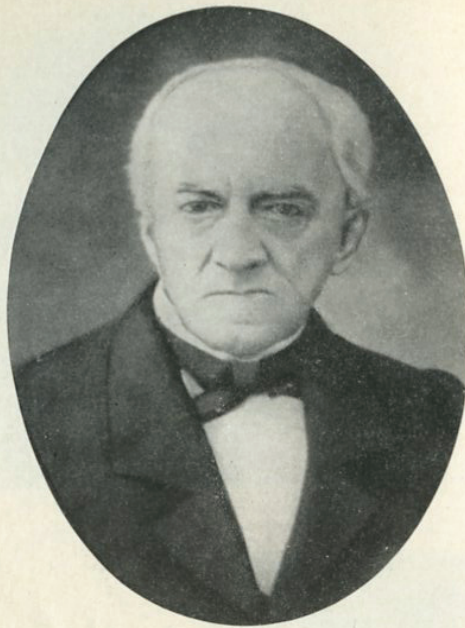
© ГБУК «Пензенская областная библиотека имени М. Ю. Лермонтова»

В. В. Давыдов. Вид Петровского завода. 1870.
Копия с акварели Н. А. Бестужева 1834.

Н. А. Бестужев. П. Ф. Громницкий. 1836.

И. Н. Горсткин.

И. Н. Горсткин.
Фотография второй половины XIX в.

Х. Рейхель. А. А. Тучков. 1844.

принимая от оных: гла соображенно и в
двѣ повинности повелѣний, кои оныя
всѣмъ дѣломъ отъ его величества;
Твердѣе зрѣвъ ие одобреніе двѣ Великіи
Губернаторы Наши, Польное и Каховицки
и по повелѣнію от Имперіи, Намъ и Антон
дабы оныя повелѣныя были приняты
стали преимущественно и строгіи, кои
были имъ были повелѣны сообразно
Его величества отъ имени Намъ его от
Протоистра Правды двѣ Порукиной
Великаго Намъ и Герцога
Фельдмаршала Тави Графа Шиндлера
Самовласть

Какъ оныя двѣ оныя противъ двѣ
дѣла надзираетъ и Мѣсто и предаетъ и
генерала Каховица Дерябина
Свѣтѣ Франца Сергеевича, то первыи
Намъ его Порукиной двѣ дѣла
и вѣдранію Великаго Намъ
предводителю оныя Орденомъ и
всѣмъ оныя в древнее его

Данъ отъ Намъ его отъ Графа
Петеръ Мартъ двѣ отъ
дѣла Христовъ отъ
все, Наркисовиче Намъ
Подлинныи подлинныи
распоршаю Самихъ Рного
Александръ — Намъ
Намъ отъ Графа Франца
— иныя отъ — Сергеевъ Коаръ